

63.3(2)2

P/2

Л.Б. Рабинович

ТЕРМСКИЕ «ДЕКАБРИСТЫ»

Я. Б. РАБИНОВИЧ

ПЕРМСКИЕ
«ДЕКАБРИСТЫ»

1880 - 1883

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

*ПАМЯТИ МАТЕРИ МОЕЙ
ПОСВЯЩАЮ*

ТАЙНА ПЕРМСКИХ «ДЕКАБРИСТОВ»

Тревогой был охвачен губернский центр — город Пермь в морозные декабрьские дни 1883 года. В воскресенье вечером четвертого декабря в городе внезапно начались массовые обыски и аресты. Широкая полицейская операция продолжалась и в последующие дни. Для участия в ней были привлечены значительные силы полиции и понятые. Жандармы рыскали по улицам города, обыскивали дома жителей заводского поселка Мотовилихи и близкого к городу села Верхние Мулы. Волна арестов докатилась и до уездных городов, а в январе 1884 года в Пермь под надежной охраной были доставлены арестованные в Петербурге студенты — уроженцы Урала. Между обывателями распространялись тревожные, зловещие слухи.

Пермская «централка» была заполнена арестованными. В одиночных камерах, куда водворяли таинственных преступников, окна были замазаны краской, а форточки заколочены. Охрана тюрьмы была усилена, у дверей одиночных камер стояли жандармы и солдаты, неусыпно бодрствовали надзиратели. Губернатор Анастасьев, полный злорадного торжества, лично навещал арестованных и достаивал их грубой бранью¹.

Срочные донесения в Министерство внутренних дел и департамент полиции сообщали, что в Перми раскрыт преступный заговор широко разветвленного революционного сообщества.

Что же привело в движение полицейскую машину? Чем были вызваны декабрьские события 1883 года в Перми?

¹ Н. И. Сергеев. Из жизни людей 70-х годов. Институт русской литературы АН СССР, архив «Русского богатства», ф. 266, оп. 2, д. 497, лл. 101—102.

Не один десяток лет тайна декабрьских арестов 1883 года хранилась в секретных фондах царских архивов. До победы Великого Октября история этих событий оставалась устным и весьма смутным преданием крамольного характера. Первые упоминания и некоторые сведения о них появились в литературе лишь в начале 20-х годов нашего века. В 1923—1924 годах в Перми был издан сборник «Борьба за власть», посвященный истории борьбы за победу социалистической революции в Пермской губернии. Среди авторов статей и воспоминаний были активные участники революционного подполья, борцы трех революций. Они не были Иванами, не помнящими родства. В числе своих предшественников многие из них назвали пермских «декабристов».

Специальную статью о революционном движении 80-х годов XIX века поместила в сборнике К. Ольховская. Она назвала пермских «декабристов» «первыми ласточками революционного дела и мысли в Пермской губернии»¹ и отнесла их к числу революционных народников. Автор статьи без достаточных оснований рисовала картину активной деятельности густой сети нелегальных кружков, развернувших широкую проповедь революционных, социалистических идей среди заводских рабочих, крестьян и интеллигенции. Организаторами этой работы К. Ольховская считала политических ссыльных, причем особенно выделяла роль уроженца Пермской губернии Н. И. Сергеева. Достаточно достоверными источниками автор статьи не располагала и вынуждена была строить различные предположения и догадки. Автор давала высокую оценку деятельности пермских «декабристов». «Арест и ссылка сразу 73 человек, — писала она, — как раз тех, кто наиболее пользовался популярностью, дал результат. Несмотря на то, что были выхвачены все выдающиеся рабочие и интеллигенты, это был первый сильный толчок к организации рабочих в заводских центрах»².

О значительном влиянии, которое оказали пермские «декабристы» на революционное движение в крае, писали также участники первых социал-демократических

¹ К. Ольховская. Первые шаги. В сб.: «Борьба за власть», т. 1, Пермь, 1923, стр. 13.

² Там же, стр. 19.

организаций. В. Трапезников отмечал, что после полицейского разгрома революционных кружков в 1883 году «...движение только скрылось от чужого враждебного взора и ушло в глубину помещений учащихя и рабочих, где накоплялась революционная энергия»¹. Другой участник революционного движения 90-х годов писал в своих воспоминаниях, что в значительной степени благодаря деятельности пермских «декабристов» «...почва для революционной работы среди мотовилихинцев была готова и оставалось только сеять семена революции»².

Однако после выхода в свет первого и второго томов сборника «Борьба за власть» история пермских «декабристов» не подвергалась дальнейшему научному исследованию. Между тем в литературе появились иные оценки их деятельности. В 1946 году пермский историк Ф. Е. Мельников охарактеризовал «движение интеллигенции Перми, известное под названием «Пермские декабристы», как организацию «либерально-народнического направления», практическая деятельность которой «выразилась только в оказании материальной помощи политическим ссыльным»³.

Через несколько лет свердловский историк Ф. П. Быстрых в «Очерках истории большевистских организаций на Урале» высказал другое мнение. Он обратил внимание на большое число участников народнического кружка, действовавшего в Перми и Мотовилихе в начале 80-х годов (по его данным в декабре 1883 г. было арестовано около 200 человек), отметил, что эта организация пыталась наладить связи с рабочими, но утверждал, что «кружок не пустил корней в рабочих массах»⁴.

Чем были вызваны эти противоречивые оценки историков? Какую роль в действительности сыграли так называемые пермские «декабристы» в истории освободи-

¹ В. Трапезников. Из истории Пермского подполья. В сб.: «Борьба за власть», т. II, Пермь, 1924, стр. 44.

² П. А. Матвеев. Субботники. В сб.: «Борьба за власть», т. II, стр. 76–77.

³ Ф. Е. Мельников. Западный Урал в революции 1905–1907 гг. Пермь, 1946, стр. 34.

⁴ Очерки истории большевистских организаций на Урале. Свердловск, 1951, стр. 20.

тельного движения? Ответ на эти вопросы следовало искать в документальных источниках.

Сложны и извилисты пути исторического исследования. Нет в руках историка ни видимой нити Ариадны, выводящей из сложного лабиринта, ни навигационных приборов, намечающих точный маршрут.

Поиски предстояли нелегкие. Первые шаги — в область мемуарной литературы повлекли за собой и первые неудачи. Перечитывались книга за книгой, страница за страницей, повествующие о тяжелой борьбе за счастье народа, об ошибках и заблуждениях, о мужестве и жертвах. Но никаких упоминаний о революционных событиях в Перми начала 80-х годов обнаружить не удавалось. Очень кратко сообщали об этих событиях и опубликованные официальные источники. Так, в одном из документов говорилось, что в 1883 году «в Пермской губернии социалистическое движение широко разлилось и нашло себе приверженцев среди многочисленных рабочих на заводах военного министерства в Мотовилихе»¹. Но фактов не приводилось никаких.

Поле поисков сужалось, задача оложнялась — приходилось менять маршрут. Разгадку тайны пермских «декабристов» следовало искать теперь в государственных архивах.

Казалось естественным, что следы не очень далекого прошлого удастся обнаружить в Государственном архиве Пермской области (сокращенно ГАПО). Но неудачи шли по пятам. Безуспешным оказалось длительное изучение материалов фонда пермского губернатора. Сведений о деятельности революционных кружков, о революционной пропаганде в губернии и арестах начала 80-х годов XIX века материалы этого фонда не содержали. Ежегодные отчеты губернатора царю были заполнены уверениями в полной благонадежности и верноподданнических настроениях жителей Пермской губернии. Столь же безрезультатным оказалось изучение фонда прокурора Пермского окружного суда.

Однако эти неудачи не могли еще обескуражить исследователя. Оставалась надежда, что наиболее ценные материалы хранит фонд губернского жандармского управления. Там должны были сохраниться агентурные

¹ Хроника социалистического движения в России 1878—1887 гг. Официальный отчет. М., 1906, стр. 245.

сведения, материалы дознаний, а может быть даже и многотомные следственные дела — подлинный клад для историка-исследователя. Когда длительные розыски в этом фонде приближались к разочаровывающему итогу, был неожиданно обнаружен явственный след — список лиц, находившихся под надзором полиции за участие в революционном движении 80-х годов. Это была нить, которая давала новую надежду.

Нить вела в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), где находится фонд департамента полиции, ведавшего с 80-х годов прошлого века политическим сыском в стране. Сюда поступали и здесь откладывались различного рода материалы и из губернских жандармских управлений. Но нить оказалась тонкой и непрочной и оборвалась самым трагическим образом. В фонде ДП (как он сокращенно именуется исследователями) была обнаружена лишь обложка дела о социально-революционной пропаганде в Пермской губернии, а самого дела не оказалось. Однако в бумагах этого фонда был выявлен интересный документ — политический обзор Пермской губернии за 1883 год, составленный начальником Пермского губернского жандармского управления полковником Ордынским. Полковник докладывал высшему жандармскому начальству, что «социально-революционные идеи и учения проникли в Пермскую губернию и нашли последователей в среде ее обывателей»¹. В обзоре отмечалось, что «эти идеи и учения привились не в один год», что «поборники» революционной партии «действовали весьма осторожно и были неуловимы» и что только в декабре 1883 года в Перми был раскрыт «социально-революционный кружок», значительно расширивший к этому времени «круг своих действий»².

Эти сообщения жандармского полковника имели несомненную ценность. Так вновь мелькнул огонек, который звал к продолжению поисков.

Новый этап поисков продолжался в Ленинграде. Там, в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) находятся фонды Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и многих других доре-

¹ ЦГАОР, ф. ДП, 1884, д. 33, ч. 55, л. 2 об.

² Там же.

волюционных царских учреждений. Сотни, тысячи архивных дел...

Сложны пути исследователя. Неожиданно возникают крутые повороты, нагромождаются новые препятствия, открываются непроторенные дорожки. Так, «случайно» выясняется, что в Ленинграде, в Институте русской литературы (ИРЛИ), в архиве журнала «Русское богатство» хранятся воспоминания уроженца Пермской губернии Н. И. Сергеева, которого К. Ольховская считала одним из главных организаторов революционных кружков в Перми в начале 80-х годов XIX века.

Знакомство с воспоминаниями Н. И. Сергеева приводит к обескураживающему «открытию». Н. И. Сергеев пишет, что в декабре 1883 года, будучи в ссылке в Перми, он был арестован по обвинению в принадлежности к революционному «сообществу», но что в действительности он никакого участия в революционном движении в это время не принимал. Более того, Н. И. Сергеев утверждал, что вообще никакой революционной организации или кружка в Перми в 1883 году не было, а массовые аресты являлись результатом провокации, затеянной губернатором Анастасьевым.

Н. И. Сергеев писал свои воспоминания накануне февральской революции 1917 года. Со времени его ареста в Перми по делу пермских «декабристов» прошло более тридцати лет. Естественно, он мог не сохранить в памяти отдельные детали, даты событий тех лет, но он никак не мог бы забыть самого факта своего участия в революционной деятельности, за которую подвергся тюремному заключению. К тому же рукопись Н. И. Сергеева, которую предполагалось опубликовать в журнале «Русское богатство», правил В. Г. Короленко. В. Г. Короленко в 1880—1881 годах находился в ссылке в Перми и с тех пор поддерживал с Н. И. Сергеевым тесное знакомство. Трудно предположить, чтобы В. Г. Короленко не внес никаких исправлений в рукопись и не сделал никаких замечаний, если бы Н. И. Сергеев так грубо ошибался и если бы при этом сам В. Г. Короленко знал о существовании революционной организации в Перми. Клубок запутывался...

Из воспоминаний Н. И. Сергеева можно было сделать два противоречащих друг другу вывода: либо действительно никакой революционной организации в

Перми в 80-х годах прошлого века не существовало, а массовые аресты были спровоцированы пермским губернатором, либо Н. И. Сергеев и другие политические ссыльные в Перми не были связаны с этой революционной организацией, а аресту Н. И. Сергеева следует искать какое-то другое объяснение.

Препятствия порождали упорство. Тщательному обследованию подвергались описи и дела многочисленных фондов Центрального Государственного исторического архива. Отдельные находки то вызвали радостный трепет, то ввергали в новое разочарование.

Первый важный документальный источник был выявлен в необъятном фонде Министерства юстиции среди докладов по политическим делам, которые министр «всепогоднейше» представлял перетрусившему «августейшему» монарху. Один из этих докладов непосредственно относился к пермским событиям. В сухом, официально-чиновничьем тоне министр сообщал, что в Пермской губернии «установлены несомненные признаки революционного движения»¹. В докладе перечислялись фамилии участников движения, указывались содержание и степень их вины.

Доклад министра содержал очень мало фактов, а их тенденциозная интерпретация совершенно затемняла подлинную картину событий. Однако было ясно, что автор доклада пользовался какими-то более содержательными источниками.

Дальнейшие розыски в этом же фонде выявили еще одно дело — «О преступном сообществе в г. Перми и соседнем селении Мотовилихинского завода»². В деле были подшиты различные официальные документы: донесения, рапорты, списки арестованных, перечень обнаруженных при арестах вещественных доказательств. Особое внимание обратил на себя один документ — рапорт прокурора Казанской судебной палаты. В нем сообщалось о представлении в Министерство юстиции материалов дознания по делу пермского «сообщества»... в пяти томах. Но где находятся эти материалы и сохранились ли они вообще? Неоднократные попытки открыть этот «клад» окончились неудачей.

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 94.

² Там же, оп. 83, д. 11 332.

Все же поиски в ленинградских архивах не были безрезультатными. То, что было в них найдено, открывало завесу над декабрьскими событиями 1883 года в Перми, усиливало интерес к поискам и стремление во что бы то ни стало довести их до успешного конца. Путь исследователя лежал теперь в Казань, где в Центральном государственном архиве Татарской АССР (ЦГА ТАССР) сохраняется фонд Казанской судебной палаты; в ее ведении находились в то время политические дела не только на территории Казанской, но и Пермской губерний.

Казанский архив не сразу раскрыл свои богатства. Шли дни и недели. Надежды вновь стали угасать. Казанская судебная палата дело о пермском «преступном сообществе» не рассматривала — оно решалось в административном порядке, а следственные материалы обнаружить не удавалось. Поиски грозили завершиться самым печальным образом.

Прежде чем согласиться с таким финалом, следовало снова все продумать, проанализировать пройденный путь, предпринять новые усилия. В результате этих размышлений возникла гипотеза: среди участников революционного движения в Пермской губернии были студенты высших учебных заведений Казани. Отсюда вытекало, что материалы дознаний по политическим делам могли отложиться в местных фондах.

Эта гипотеза блестяще подтвердилась. Путь к ценным залежам архивных документов был открыт. Из фонда Казанского губернского жандармского управления был извлечен важнейший документ — дело «О распространении социально-революционных изданий среди рабочих Мотовилихинского завода и учащейся молодежи г. Перми»¹. В нем содержалось наиболее полное изложение материалов дознания по делу о революционном движении в Пермской губернии начала 80-х годов XIX века. Но это не было завершением поисков. Успокоения быть не могло. Торжество было неполным.

Отсутствие следственных дел серьезно осложняло задачу историка. Показания обвиняемых в ходе следствия являются очень важным, но своеобразным и чрезвычайно противоречивым источником. Слишком много различных субъективных и объективных факторов вли-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530.

яют на показания подследственного, чтобы им можно было безоговорочно доверять. В названном же выше документе эти показания к тому же приводились в кратком изложении жандармского чиновника. Документы, написанные жандармским пером, не могли, естественно, внушать доверия советскому исследователю и требовали тщательной критической проверки.

Эти материалы дали, однако, в руки исследователя ключ к богатейшему кладу. В материалах дознания говорилось, что изъятые при аресте политических «преступников» вещественные доказательства после завершения следствия были направлены в распоряжение Казанской судебной палаты. Тут их и следовало искать. Фамилии «преступников» также были уже известны. Найти их дела не представляло уже больших трудностей, если только они не утеряны.

Нетерпеливо просматривалась опись № 23 фонда Казанской судебной палаты. Мелькают знакомые фамилии — среди многочисленных вещественных доказательств по делам революционеров в этом фонде имеются и материалы пермских «декабристов».

Одно за другим извлекаются эти дела из хранилища, где они пролежали нетронутыми исследователями десятки лет.

Вот перевязанная бечевкой пачка пожелтевших бумаг. Это литературно-общественная газета пермских учащихся «Школа». Многие ее страницы и отдельные экземпляры попорчены, чернила расплылись, некоторые номера невозможно прочесть. Но большая их часть в исправном состоянии.

На столе дело с архивным номером 640. Вещественные доказательства по делу В. А. Померанцева. Тут — толстая тетрадь в пятьдесят листов под названием «Каталог книг для чтения», содержащая рекомендательный список литературы; переписанная на листочках ученической тетради «Программа рабочих, членов партии «Народной воли», статьи самого Померанцева, его письма, заметки.

В деле В. В. Грибеля, арестованного в январе 1884 года в Петербурге, — конспекты и выписки из различных нелегальных изданий, листок с карандашной надписью «На венок Марксу», письма учительницы Марии Булыгиной из Перми.

С неослабным интересом перечитывается знакомый текст из дела Юлия Панневица — это переписанное от руки предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 года и начало самого «Манифеста».

Вещественные доказательства по делу Бахарева, Попова, Баишева и других обвиняемых... Снова тексты воззваний, конспекты статей, дневниковые записи, письма, заметки... Каждое дело вносит новое, открывает неизвестное, содержит интересные факты, свидетельства, отдельные штрихи.

Историкам-исследователям, как и разведчикам земных недр, знакомо то непередаваемое чувство радости и большого удовлетворения, которое дает успешное завершение длительных и нелегких поисков.

Документы, авторами которых являлись сами участники революционного движения, были наиболее ценными из всех найденных источников. Не на все вопросы они давали ответ, не все в истории пермских «декабристов» стало ясным. Но выявленные материалы дали право сделать первую попытку осветить историю этого кружка. Они и положены в основу настоящей книги.

Исторические решения XX и XXII съездов КПСС открыли перед советскими исследователями широкие творческие возможности. Эти решения помогли историкам восстановить ленинскую концепцию освободительного движения в нашей стране, в которой важное и почетное место принадлежит революционным народникам.

История пермского революционного народнического кружка начала 80-х годов XIX века — один из многочисленных эпизодов на том трудном и героическом пути, который привел наш народ к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

ВОЛНА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРИБОЯ

В июне 1879 года уральский историк и краевед Н. К. Чупин писал известному земскому деятелю-либералу Д. Д. Смышляеву: «Да, тяжелое время переживаем мы теперь — и дороговизна, и опустошительные наводнения, и страх чумы и холеры, и безумное бешенство нигилистов, и масса убийств и покушений на убийство, и повсюдные пожары, и волнения в учебных заведениях! Чем согрешили мы перед господом?»¹.

Тревога и страх местных либералов были не случайны. В стране назревала революционная гроза. В 1879—1881 годах в России, второй раз в ее истории, возникла предреволюционная обстановка, сложилась революционная ситуация. В. И. Ленин учил, что революционная ситуация представляет собой общенациональный кризис, затрагивающий как эксплуататоров, так и эксплуатируемые массы. Ее характерными признаками он считал: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса... 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс...»².

Историческую обстановку, которая сложилась в России в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века, В. И. Ленин считал одним из примеров подобной ситуации. Выше обычного обострились в эти годы нужда и бедствия трудящихся масс. Тяжесть капиталистиче-

¹ Д. Д. Смышляев. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891, стр. 275.

² В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

ской эксплуатации усугублялась в России пережитками крепостничества. Война с Турцией в 1877—1878 годах возложила дополнительное бремя на плечи народа. В 1880 году неурожай поразил южные и юго-восточные губернии страны. Сильно возросли цены на продукты питания. Депрессия и кризис в промышленности усилили безработицу. Массы крестьян и рабочих голодали.

Растущие нужда и бедствия народа крайне обострили к концу 70-х годов социальные противоречия в стране. Ширилась и росла борьба угнетенных классов. Слухи о предстоящем переделе земли, ограничении помещичьего землевладения и дополнительной «бесплатной прирезке», которые упорно ходили по всей России, будоражили крестьян, создавали опасность стихийного взрыва.

Волна крестьянских выступлений поднималась все выше. Волнениями были охвачены Украина и Белоруссия, центральные и восточные районы страны, Поволжье и Урал. Волновались крестьяне Казанской, Самарской, Симбирской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. В 1877 году выступления крестьян произошли в 14 губерниях, в 1878 году — в 15, а в 1879 году крестьянским движением было охвачено 35 уездов в 25 губерниях европейской России¹.

Новым важным компонентом революционной ситуации конца 70-х — начала 80-х годов явилась борьба молодого российского пролетариата. Стачечное движение достигло небывалого до этого размаха. Только в 1879 году в стране произошло свыше 50 стачек. Ведущую роль в стачечной борьбе играли петербургские рабочие. В годы революционной ситуации в Петербурге возникла одна из самых ранних в России классовых организаций пролетариата — «Северный союз русских рабочих», во главе которой стояли выдающиеся рабочие-революционеры С. Халтурин и В. Обнорский.

Однако борьба трудящихся в этот период была стихийной и неорганизованной. Массовое движение не было еще соединено с революционной теорией. Кре-

¹ Е. И. Батова. Крестьянское движение и аграрная политика царизма периода революционной ситуации конца 70-х годов. Кандидатская диссертация. Л., 1951, стр. 110.

стыянство, придавленное чудовищным гнетом, было темным и забитым, а рабочий класс не обладал еще политическим сознанием и делал лишь первые шаги в борьбе за улучшение своего экономического положения.

Сознательную революционную борьбу с существующим строем в защиту интересов угнетенных, за свободу и счастье народа вела в пореформенное время лучшая часть демократической разночинной интеллигенции. На этом буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России — с 1861 года по 1895 год — разночинцы были главными его деятелями, а господствующим направлением, соответствовавшим, по замечанию В. И. Ленина, «точке зрения разночинца», являлось народничество¹.

В 70-х годах XIX века революционная народническая интеллигенция вписала в историю российского освободительного движения одну из ее ярчайших страниц. Революционные народники 70-х годов были революционными демократами и социалистами-утопистами. Они страстно ненавидели самодержавие, чиновничье-полицейский произвол, эксплуатацию и мечтали о справедливом социалистическом обществе, где не будет неравенства, угнетения и нищеты.

Революционеры-семидесятники не понимали объективных законов развития человечества, не видели прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством и исторической роли пролетариата, как единственной силы, способной преобразовать общество на принципах социализма. Это была не вина их, а беда. Хотя на Западе уже распространялось марксистское учение, в России еще шли упорные поиски правильной революционной теории. Исторические условия в России к тому времени еще полностью не созрели для распространения и торжества идей научного социализма. Отсталость российской социально-экономической действительности обусловила господство незрелых социалистических теорий.

Народники были убеждены в своеобразии русского экономического строя, они верили в самобытность крестьянской общины, как готовой ячейки социализма, в

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

«коммунистические инстинкты мужика», в возможность крестьянской социалистической революции. Это был утопический «крестьянский социализм». Но в этой теории, несмотря на ее незрелость и утопизм, имелось революционное содержание. Объективно эти взгляды были выражением «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти»¹. Под знаменем этой теории революционная молодежь поднималась на героическую самоотверженную борьбу с самодержавием, со всеми остатками средневековья в экономической и политической жизни страны.

В 70-х годах XIX века в стране возникает множество революционных кружков и групп. Революционные идеи проникали в самые отдаленные районы, охватывали значительные слои демократической интеллигенции, широко распространялись среди учащейся молодежи. Революционные народники теснее, чем их предшественники, были связаны с народом, им удалось в сравнительно больших масштабах организовать издание и распространение нелегальной пропагандистской и агитационной литературы. В различных местах России они пытались вести пропаганду среди крестьян и рабочих. Они шли «в народ», стремились поднять его на революцию против основ существующего эксплуататорского строя.

Исключительного накала борьба революционной интеллигенции достигла в конце 70-х — начале 80-х годов. В 1879 году в народнической организации «Земля и воля» произошел раскол. Сторонники политической борьбы с правительством образовали новую организацию — «Народную волю». Народовольцы попытались объединить в борьбе с самодержавием все революционные и оппозиционные силы. Одним из главных средств борьбы они избрали индивидуальный террор. Это была ошибочная тактика, но она была исторически обусловлена слабостью революционного движения в России той эпохи.

В обстановке революционной ситуации террористическая тактика народовольцев привела «к отчаянной

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 12.

схватке с правительством горсти героев»¹. Народо-вольцы, — писал В. И. Ленин, — «проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира»². Их жертвы не были напрасными. «Они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, — отмечал В. И. Ленин, — пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»³.

Подъем стихийного движения народных масс и отчаянная борьба революционной интеллигенции оказали воздействие на господствующий класс. Политика господствующего класса России в конце 70-х годов зашла в тупик. Правящие верхи не могли жить и управлять по-старому. Они лавировали и метались в поисках путей спасения существующего строя. Перед угрозой растущего революционного натиска царизм цеплялся за чрезвычайные меры. В феврале 1880 года распоряжением царя Александра II был создан чрезвычайный орган — «Верховная распорядительная комиссия». Во главе ее был поставлен генерал М. Т. Лорис-Меликов. Генерал имел репутацию человека твердого, хорошего администратора, не чуждого к тому же умеренно-либеральных идей. Ему были предоставлены широкие полномочия. Фактически в стране установилась диктатура Лорис-Меликова. Но политика новоявленного диктатора и всей правительственной верхушки во главе с императором беспомощно металась от решительной и беспощадной расправы с революционным движением к робким проектам половинчатых реформ и незначительных уступок либералам.

Революционный кризис в России конца 70-х — начала 80-х годов имел общенациональный характер. Волна общественного возбуждения распространилась и на самые отдаленные окраины царской империи. Крайней остроты достигли социальные противоречия и на Урале.

Пермская губерния, охватывавшая основную часть территории Урала, была одним из крупнейших админи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 36.

² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 235.

³ Там же.

стративных районов царской России и ее главной металлургической базой. На просторах этого огромного и сказочно богатого края хозяйничала группа уральских магнатов — крупнейших в стране землевладельцев и заводчиков. В их неотъемлемой собственности находилось более четвертой части территории Пермской губернии. Наиболее могущественные из них — Демидовы, Абамелек-Лазаревы, Всеволожские, Шуваловы, Бутеро-Родали и другие — владели латифундиями по 500—600 тысяч десятин земли и леса, десятками заводов, рудников, копей и приисков. Только одним графам Строгановым принадлежало более 2 миллионов десятин земли¹, или свыше пятнадцатой части всей территории губернии. На долю 42 крупнейших землевладельцев в губернии приходилось больше земли (7 659 199 десятин), чем ее имели 380 тысяч крестьянских дворов (5 383 522 десятины) с полуторамилионным населением².

Сами сиятельные владельцы горнозаводских имений не утруждали себя излишними хлопотами по делам своих огромных хозяйств. Они предпочитали получать и безмятежно транжирить те доходы, которые выколачивала из имений свора преданных, хорошо оплачиваемых слуг — управляющих, приказчиков, надзирателей.

Полукрепостнические пути продолжали сковывать пореформенный Урал. Этот край был одним из многих уголков России, где, по замечанию В. И. Ленина, «точно вчера было крепостное право»³. Характеризуя пореформенную действительность Урала, В. И. Ленин писал: «Самые непосредственные остатки дореформенных порядков, сильное развитие отработков, прикрепление рабочих, низкая производительность труда, отсталость техники, низкая заработная плата, преобладание ручного производства, примитивная и хищнически-первобытная эксплуатация природных богатств края, монополии, стеснение конкуренции, замкнутость

¹ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 12, д. 5879, л. 40.

² Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. VI, изд. ЦСК МВД, Спб., 1884, стр. 146—147.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 272.

и оторванность от общего торгово-промышленного движения времени — такова общая картина Урала»¹.

Жестокое угнетение, нищета и несправие были уделом народных масс. На железоделательных заводах, рудниках, копях и приисках за нищенскую плату надрывали силы тысячи уральских рабочих. В каторжных условиях чахла рабоче соляных промыслов. В жару, слякоть и морозы прокладывали первую уральскую железнодорожную магистраль от Перми до Екатеринбурга оборванные, замордованные непосильным трудом мужики, согнанные с различных концов России. Тысячи обездоленных людей скоплялись на камских пристанях, нанимаясь на самые тяжелые работы. Обнищавшие, голодные, они бродили по городу, по заводам и селениям в поисках куска хлеба. Задышалась в тисках безысходной нужды крестьянская беднота, страдавшая от безземелья и непосильных платежей, неурожаяев и эпизоотий, произвола царских чиновников и хищнической эксплуатации помещиков и кулаков-мироедов. Произвол и насилия над угнетенными классами приобретали на Урале особенно безобразные, уродливые формы. Царские чиновники, получавшие от уральских магнатов щедрые подачки, пресмыкались перед ними и творили им в угоду суд и расправу над простым народом. Чаша народного терпения была переполнена, и накопившиеся десятилетиями гнев и возмущение переплескивали через край.

По всей стране нарастал рокот народного недовольства. То и дело то в одном, то в другом конце губернии вспыхивали острые социальные конфликты, обнажались непримиримые классовые противоречия. Годами длились упорные волнения крестьян и горнозаводского населения. В 70-х годах XIX века волновались крестьяне Кунгурского, Соликамского, Красноуфимского, Пермского, Осинского и других уездов, горнозаводское население Бымовского, Югокнауфского, Камбарского, Сергинских, Кыштымских, Югокамского, Кыновского, Лысьвенского заводов и многих других горнозаводских поселков, деревень и сел. Нескончаемый поток жалоб и прошений шел в местные и высшие правительственные учреждения. Фанатично упорные

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 427.

ходы, преодолевая неисчислимые препятствия, направлялись в столицу, к «самому» царю, членам царской фамилии и царским сановникам с наивными прошениями о наделении землей, освобождении от повинностей, с жалобами на произвол и насилия властей. Бездушная самодержавно-полицейская машина отклоняла все эти бесчисленные жалобы и ходатайства. Упорствующих и зачинщиков секли розгами, отправляли на «высидку», высылали с места жительства. Но борьба не прекращалась.

Уклонение от выполнения повинностей и уплаты податей, самовольные захваты земли и порубки лесов, сопротивление властям и нападение на лесную стражу, отказы от участия в межевых работах и заключения выкупных сделок — таковы были методы борьбы, которые самостоятельно вырабатывали еще забитые, темные и лишенные политического сознания угнетенные массы.

Но уже в то время среди этих многочисленных стихийных выступлений трудящихся зарницей вспыхнули далекие предвестники девятого вала — грядущего подъема классовой борьбы пролетариата. Это были стачки — типично пролетарские формы социального протеста.

Стихийные стачки происходили на уральских предприятиях и раньше. Но в 70-х годах XIX века кадровая часть формировавшегося уральского пролетариата и в первую очередь горнозаводские рабочие закрепили свою ведущую роль в борьбе трудящихся края против капиталистической эксплуатации и остатков крепостничества.

В эти годы произошли стачки на Полазненском заводе Лазарева, Нижнетагильских заводах Демидова, Добрянском, Павловском, Очерском заводах Строганова и других предприятиях. С 1870 по 1879 год в губернии было более 20 стачек¹. Хотя рабочее движение в целом продолжало оставаться стихийным и неорганизованным, но в стачечной борьбе уже проявлялись элементы организованности и зачатки классовой созна-

¹ Я. Б. Рабинович. Стачечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века. «Прошлое Урала», Ученые записки Пермского университета, т. XXI, вып. 1, Пермь, 1961, стр. 23.

тельности рабочих. Как и в целом в стране, рабочее движение на Урале в 70-х годах стало важным фактором общественной жизни. Рабочий класс все в большей степени приковывал к себе внимание как правящих верхов, так и прогрессивной демократической интеллигенции.

В период революционного подъема конца 70-х — начала 80-х годов обстановка в Пермской губернии стала еще более напряженной. И без того тяжелое положение трудящихся масс стало к концу 70-х годов невыносимым. В 1877 году губернию постиг неурожай. В следующем году недород охватил пять уездов из двенадцати. Спекулянты-барышники скупали хлеб и вывозили его в голодающие южные губернии. Резко возросла дороговизна. С 1875 по 1881 год цены на ржаную муку в губернии увеличились на 72%¹. Росло разорение крестьянской бедноты. От бескормицы и чумы падал скот. За три года (1877—1879 гг.) пало свыше одной десятой части крупного рогатого скота².

О бедствиях крестьянских масс вынуждена была заговорить местная печать. «Бедность со всех сторон накидывается на мирного семьянина, а денег нет и их негде взять; работы стали дешевы и найти работу надо много труда», — писала о положении в Пермском уезде газета «Пермские губернские ведомости»³. «В настоящее время нет у крестьян ни хлеба для себя, ни корма для скота... Семейства крестьян небогатого состояния голодают поголовно»⁴, — сообщалось в корреспонденции из Соликамского уезда. «Половина жителей всей волости спустилась на последнюю степень бедности»⁵, — писал корреспондент газеты из села Частые Оханского уезда. Жители, «особенно бедняки, находятся в отчаянном положении»⁶, — сообщалось из Ирбитского уезда.

¹ Историко-статистические поуездные таблицы по Пермской губ. Сост. П. А. Голубевым, «Материалы по изучению Пермского края», вып. II, Пермь, 1905, стр. 50—51.

² Сборник Пермского земства, 1881, кн. V—VI, стр. 130.

³ «Пермские губернские ведомости» (в дальнейшем ПГВ), 1878, № 22.

⁴ Там же, № 50.

⁵ Там же, № 73.

⁶ Там же, № 60.

Катастрофическое положение сложилось в Енапаевской волости Красноуфимского уезда. Четвертая часть крестьянского населения волости (в ней числилось около двух тысяч душ обоего пола) голодала. Остальные не могли поддержать голодающих, так как бедствовали сами. Крестьяне тщетно зывали к властям. Губернская земская управа попыталась организовать помощь крестьянам. Но бюрократическая машина была неповоротливой и действовала со скрипом. Между тем десятки крестьян Енапаевской волости умирали мучительной голодной смертью¹.

Дороговизна тяжело ударила по рабочему населению. К тому же в эти годы усилилась безработица. Многие рабочие были заняты работой только две недели в течение месяца. Заводчики вводили сокращенные смены, «гулевые» дни. Все это сокращало заработки. Голод шагал по уральским деревням и заводам.

Яркими штрихами характеризовала положение уральских рабочих газета «Екатеринбургская неделя»: «Проиграет ли иной заводчик или проживет за раз массу денег — у рабочих голодовка; не хватит ли воды в заводском пруде, остановится ли какая-либо часть заводского производства, или кулаки-промышленники поднимут в заводе цены на хлеб — опять та же голодовка для рабочего люда. Одним словом, куда ни обернись, отовсюду слышится это страшное слово; отовсюду доходят жалобы на безысходную непоправимую нужду заводского населения»².

В 1880 году на Верхисетском заводе (близ Екатеринбурга) была распространена написанная от руки одна из первых на Урале рабочих листовок. Она вскрывала тяжесть капиталистической эксплуатации, разъясняла рабочим, что капиталисты пользуются всеми благами, которые добыты трудом рабочих, в то время как сами рабочие стоят на грани нищеты и голода. «Рабочие! — говорилось в листовке. — Для кого вы работаете? Сколько вы получаете за ваши труды? Вы работаете для больших господ, а они платят вам за ваш труд столько, чтобы не умерить вас с голоду. Вы рабы,

¹ Сборник Пермского земства, кн. 1, 1879, стр. 57—63. Е. И. Красноперов. Енапаевская волость, Пермь, 1883, стр. 181.

² «Екатеринбургская неделя», 1880, № 40.

осужденные на вечную работу, а другие, которые сами ничего не делают, но, находясь под покровительством диких законов, без зазрения совести сидят на ваших спинах, несправедливо пользуются тем, что вы добываете вашей кровью и вашим потом»¹. Листовка эта по справедливой жандармской характеристике была направлена «к возмущению рабочих против существующих условий вознаграждения за их труд»². Она не содержала конкретных указаний на пути и методы борьбы, но была выражением растущего возмущения и протеста рабочих против жестоких условий капиталистической эксплуатации.

Рабочее движение в Пермской губернии в годы революционной ситуации не переживало такого подъема, как в центре страны. Безработица и небывалая дороговизна сковывали стачечную борьбу. В 1879 году бастовали рабочие Мотовилихинского, Добрянского и Очерского заводов, но это были кратковременные и стихийные вспышки протеста против снижения заработной платы и тяжелых материальных лишений. Оживление, наметившееся в 1879 году, не переросло в общий подъем стачечного движения. Правда, в 1882 и 1883 годах произошли стачки на Нижнеисетском, Нейво-Алапаевском, Добрянском и других заводах.

В годы революционной ситуации на Урале особо активизировалась борьба против пережитков крепостничества. Усилилась борьба государственных крестьян. Проведение реформы 1866 года в отношении государственных крестьян вызвало сокращение их земельных наделов и увеличение платежей. В Кунгурском, Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском, Верхотурском и Ирбитском уездах крестьяне оказывали сопротивление межевым работам. Участились столкновения крестьян с местными властями и полицией.

В вотчинах графа Строганова и князя Абамелек-Лазарева в Соликамском уезде, графа Шувалова в Пермском уезде временнообязанные крестьяне отказывались от заключения выкупных сделок с помещиками, упорно уклонялись от уплаты оброков и недоимок. В Осинском, Верхотурском и Красноуфимском уездах происходили самовольные захваты помещичьих земель.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., д. 136, л. 7.

² Там же, л. 6.

Особенно обострились в этот период аграрные противоречия. В борьбе за землю, против непосильного налогового бремени и других крепостнических пережитков активно выступало не только крестьянство, но и горнозаводское население. С Нижне- и Верхнесергинских, Бымовского, Кыновского, Югокамского, Лысьвенского, Кыштымских, Бизярского, Югокнауфского, Чермозского, Тагильских и других заводов направлялся в местные и высшие правительственные учреждения поток жалоб. Горнозаводское население оказывало сопротивление властям, упорно уклонялось от уплаты налогов и настоятельно требовало бесплатного наделения землей. Известный деятель революционного народничества Д. А. Клеменц, побывавший в 1876 году на Урале, писал: «Там в это время была своя забота, были хлопоты о земле, сопровождавшиеся тюремным заключением, ссылками и новыми хлопотами»¹.

Массовый характер приобрели в это время порубки казенных и владельческих лесов. Только в одном 1880 году по делам «о похищении и повреждении лесов» было осуждено в губернии 14 200 человек². Порубки лесов часто происходили организованно и выливались в вооруженные столкновения населения с лесной стражей. Главный лесничий докладывал в 1880 году начальнику уральских заводов, что самовольные порубки сопровождаются «постоянным буйством и явным наглым сопротивлением лесной страже с оружием в руках»³. В газете «Екатеринбургская неделя» сообщалось, что в частых «баталиях» с лесной стражей население всегда выходит победителем, так как порубки производят большие группы, «...подвод по пятидесяти, вооруженные ружьями, револьверами и топорами»⁴.

Угрожающий характер приняли также поджоги лесов. На втором съезде уральских горнозаводчиков отмечалось, что весной 1881 года «почти весь лесной Урал был объят пламенем»⁵. Поджоги производились

¹ Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925, стр. 135.

² ЦГИА, ф. 1284, оп. 70, д. 297, л. 61.

³ ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 902, л. 639.

⁴ «Екатеринбургская неделя», 1879, № 4.

⁵ «Журналы заседаний второго съезда уральских горнопромышленников в Екатеринбурге с 8 по 15 декабря 1882 г.». Екатеринбург, 1883, стр. 69.

крестьянами для расчистки леса под сельскохозяйственные угодья. Это была своеобразная форма самовольных захватов земли.

Напряженность обстановки в губернии усугублялась многочисленными пожарами в городах и селах. В конце 70-х — начале 80-х годов пожары приобрели здесь особенно грозный размах. В апреле — мае 1879 года крупными и неоднократно повторявшимися пожарами были охвачены города Ирбит, Шадринск, Кунгур, Екатеринбург, Нижний Тагил и другие. Во второй половине апреля страшные пожары истребили большую часть Оренбурга и Уральска. В мае 1879 года начались большие пожары в Перми. Начиная с 8 мая, в течение двух недель пожары в Перми вспыхивали почти ежедневно. «С часу на час, — сообщалось в местной газете, — в Перми ожидалась поджоги то там, то здесь»¹. 12 мая начальник жандармского управления полковник Самойлов доносил в III отделение: «Жители в панике, большая часть перебралась за город со своими семьями и вещами»². 24 мая Самойлов телеграфировал в III отделение: «...В г. Перми поджоги почти ежедневно продолжают»³.

В это же время многочисленные пожары происходили в заводских поселках и деревнях. В ряде мест были найдены подметные письма с угрозами (в Шадринске, Перми, Соликамском уезде и др.). Типичным из них было, например, следующее объявление, появившееся в Кунгуре во время пожаров в апреле 1877 года: «Граждане кунгурские богачи-тунеядцы, извещаем вас, что вы сгорите ныне за угнетение бедных»⁴.

Среди охваченных паникой обывателей распространялись слухи о предстоящих поджогах, тревожными сообщениями о многочисленных пожарах были заполнены газеты «Пермские губернские ведомости» и «Екатеринбургская неделя». В связи с тревожными донесениями пермского губернатора министр внутренних дел докладывал о пожарах в Ирбите, Оренбурге и Перми самому царю. Министр подчеркивал в своем докладе, что «невольнo возбуждается подозрение в возможно-

¹ ПГВ, 1879, № 42.

² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879, оп. 164, д. 78, л. 39.

³ Там же, л. 44.

⁴ Там же, 1877, оп. 162, д. 66, л. 28.

сти объяснить причины этих бедствий одними случайностями»¹.

В действительности пожары происходили как от случайных причин, так и в значительной степени от поджогов. В течение 1879 года от выявленных поджогов произошло в губернии 222 пожара².

Губернские власти пытались предотвратить пожары и ликвидировать панику. Пермский губернатор Енакиев телеграфировал министру внутренних дел: «Содействие войск крайне необходимо. Местного батальона и уездных команд недостаточно»³. Наиболее крупные города были разделены на участки, для усиления охраны в них были выставлены караулы и полицейские посты, был усилен надзор за жителями, производились обыски и аресты подозрительных лиц. «В Перми, — сообщалось в «Пермских губернских ведомостях», — для успокоения взволнованных поджогом жителей, которые массами стали выселяться за город, ставились некоторое время по улицам военные посты»⁴.

Представители господствующего класса были охвачены беспокойством. Уральские заводчики принимали срочные меры к охране своей собственности: усиливали караулы, увеличивали лесную стражу, вооружали служащих. Управление кыштымскими заводами просило губернатора выделить конных полицейских стражников для охраны заводов и лесных дач⁵. Князь С. Д. Абамелек-Лазарев требовал, чтобы постоянная охрана заводов была усилена казаками и предлагал взять их на свое содержание⁶. Уральский помещик и заводчик И. Г. Жуковский, напуганный нападениями крестьян, обратился за помощью в департамент полиции. «Эти шутки, — писал он о крестьянских выступлениях, — могут печально кончиться прежде для нас, а потом и для самой власти... Только самые энергичные и крутые меры способны остановить разрастающиеся вожделиния крестьян отнять у нас землю»⁷.

¹ ЦГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 196, л. 15.

² ПГВ, 1880, № 103.

³ ЦГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 196, л. 46.

⁴ ПГВ, 1880, № 103.

⁵ ЦГИА, ф. 1286, оп. 41, д. 57, л. 1.

⁶ ГАПО, ф. 280, оп. 1, д. 1302, л. 11 об.

⁷ ЦГАОР, ф. ДП, 1883, д. 449, л. 2.

Растущее недовольство среди уральского горнозаводского населения вызвало особое беспокойство правящих кругов. В специальной записке на имя М. Т. Лорис-Меликова чиновник Министерства внутренних дел генерал-майор Богданович призывал правительство предотвратить стихийную вспышку массового протеста на Урале. «Заводское население уральского края, — писал он, — может обратиться в страшную разрушительную силу, если правительство ныне же не примет мер к улучшению его положения»¹.

Крайне неуверенно и тревожно чувствовала себя пермская знать во главе с губернатором Енакиевым. Преданные слуги царизма губернатор Енакиев и начальник жандармского управления полковник Самойлов проявляли колебания и нерешительность. Эти колебания были результатом растущего протеста «снизу» и отражали настроения некоторой части правящих верхов России. «Что это у нас происходит?» — с тревогой спрашивал у политического ссыльного В. Г. Короленко пермский губернатор. Он внимательно выслушивал откровенные высказывания Короленко и сам передавал ему «новости и слухи... в которых звучала видимая заинтересованность к каким-то еще не вполне определенным грядущим реформам»². Разговоры, которые вел губернатор Енакиев с В. Г. Короленко, свидетельствовали о состоянии смятения и растерянности главы губернской администрации. Его одолевали сомнения в незыблемости существующего строя. «Имейте в виду, — говорил он Короленко, — внутреннее положение России, по-видимому, скоро должно сильно измениться...»³. Эти настроения высшей губернской бюрократии являлись одним из проявлений «кризиса верхов». Именно пермскую губернскую администрацию имел в виду В. Г. Короленко, отметивший эти штрихи кризиса в «верхах»: «Ожидания перемен, — писал В. Г. Короленко, — носились в воздухе даже канцелярий и губернаторских кабинетов и несомненно, что реформы встретили бы приверженцев даже в иных бюрократических сферах»⁴.

¹ ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 646, л. 22.

² В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 7, 1955, стр. 190.

³ Там же, стр. 172.

⁴ Там же, стр. 190.

Обстановка политического кризиса в стране и героическая борьба, которую развернули революционные народники, оказали сильнейшее воздействие на широкие круги демократической интеллигенции России. Все шире стала вовлекаться в революционное движение лучшая часть разночинной интеллигенции глухой и далекой в то время Пермской губернии. Передовые представители местной демократической интеллигенции — мелкие служащие, учителя, студенты, учащаяся молодежь — не могли равнодушно смотреть на окружающую жизнь. Никуда нельзя было уйти от мрачных картин действительности.

Вести о событиях в губернии — издевательствах и наказаниях, тюремных преследованиях и розгах, жалобах и протестах, волнениях и стачках — вызывали в передовых слоях общества ненависть к самодержавно-полицейским порядкам и глубокое сочувствие к народным массам. Все это толкало прогрессивно настроенную интеллигенцию на путь решительной борьбы с существующим строем.

В конце 70-х годов политическая активность местной демократической интеллигенции заметно оживилась. Только в одном 1879 году жандармские органы произвели 11 дознаний по делам «о преступной пропаганде» в губернии (за три года с 1875 по 1877 год таких дел было 13)¹.

Пермские помпадурсы из карьеристских соображений многие годы подряд посылали «высшему начальству» уверения в полной благонадежности и верноподданности местного населения. Они утверждали, что во вверенной их попечению Пермской губернии нет почвы для «пропагаторской» деятельности.

Но «крамола» росла и ширилась. Ее не могли остановить жандармские препоны. Ее нельзя было игнорировать, спрятав голову под крыло. В политическом обзоре за 1879 год начальник губернского жандармского управления вынужден был признать рост свободомыслия и «развращения» части жителей под влиянием лиц, «покушающихся на преступную пропаганду»². Жан-

¹ См. годовые отчеты губернского жандармского управления. ГАПО, ф. 162, оп. 1, д. 9, лл. 17—18; д. 13, л. 46; ЦГАОР, ф. 109, 1879, д. 78, л. 106.

² ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879, д. 78, лл. 103—104.

дармский полковник пытался объяснить распространение «крамольных» идей воздействием политически неблагонадежных лиц, ссылаемых в административном порядке в Пермскую губернию. Растерявшийся глава губернской жандармерии жаловался своему начальству, что политические ссыльные вызывают в пермской публике «сожаление или симпатию», что они получают «возможность более или менее сблизиться с людьми... и мало-помалу знакомить совершенно мирных жителей с их преступным и пагубным учением»¹. Сетования жандармского полковника не были напрасными. Политические ссыльные действительно сыграли заметную роль в общественном подъеме конца 70-х — начала 80-х годов.

В Пермской губернии в это время под гласным надзором полиции состояло 37 политических ссыльных. Тринадцать из них проживало в Перми². К началу 80-х годов они образовали кружок, центром которого был делопроизводитель управления горнозаводской железной дороги Александр Капитонович Маликов, в прошлом судившийся по каракозовскому делу. С 1878 года А. К. Маликов жил в Перми и состоял под гласным надзором полиции. Современники, встречавшиеся с А. К. Маликовым в Перми, характеризовали его как человека необыкновенно интересного, остроумного собеседника, обладавшего блестящим ораторским талантом³.

К этому времени А. К. Маликов, давно уже отказавшийся от революционных взглядов, был настроен религиозно-мистически, выступал с реакционной проповедью «богочеловечества» и «непротивления злу», хотя в его учении, по свидетельству В. Г. Короленко, заключалось «осуждение существующего строя и официальной церковности»⁴. Внимательное и заботливое отношение к политическим ссыльным со стороны самого Маликова, а также его жены Клавдии Степановны (урожденной Пругавиной) и их широкое гостеприимство сделали квартиру Маликова центром кружка. «Благодаря его гостеприимству и симпатии к политическим

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879, д. 78, лл. 104—105.

² ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 380, лл. 5—16.

³ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 7, М., 1955, стр. 176.

⁴ Там же, стр. 177.

ссылным мы все, — вспоминал Н. И. Сергеев, — чуть не ежедневно встречались в его доме»¹. У Маликовых бывали П. М. Волохов, Л. Т. Заруднева, В. Н. Панютина, Н. И. Сергеев и его жена М. А. Брежнинская, В. Г. Короленко и другие ссыльные. Почти все они при содействии А. К. Маликова были устроены на работу в управление железной дороги.

Кружок, собиравшийся у Маликовых, состоял из людей во многом разных, но интересных, мыслящих, талантливых. Всех их объединяла искренняя и глубокая преданность народу и не менее глубокая ненависть к самодержавно-полицейскому произволу и угнетению. Выделялся широтой кругозора, глубоким знанием жизни, твердыми революционно-демократическими убеждениями, большой внутренней силой и мужеством молодой писатель Владимир Галактионович Короленко. Здесь, в Перми, он писал повесть «Табельщик», рассказы «Прошка», «Временные обитатели подследственного отделения» и другие произведения. В кружок входил и другой начинающий литератор Петр Михайлович Волохов², сотрудничавший в демократическом журнале «Отечественные записки». В этом журнале в 1879 году были опубликованы его очерки «Панфил Панфилов» и «Провинциальная газета».

Николай Иванович Сергеев — уроженец Нижнего Тагила — в середине 70-х годов «ходил в народ», вел революционную пропаганду в Поволжье и на Урале, был одним из основателей революционной народнической организации «Земля и воля»³. Жена Н. И. Сергеева Мария Антоновна Брежнинская также была тесно связана с революционным подпольем, вела революционную пропаганду «в народе». Вместе с виднейшими революционерами 70-х годов Г. В. Плехановым, А. Д. Михайловым, О. В. Аптекманом и другими она принимала участие в деятельности саратовского «поселения»⁴.

Вера Николаевна Панютина за революционную пропаганду среди крестьян Московской губернии су-

¹ Н. И. Сергеев. Указ. соч., л. 107.

² П. М. Волохов находился в Перми в политической ссылке с ноября 1880 г.

³ П. С. Ткаченко. Революционная народническая организация «Земля и воля». Высшая школа, 1961, стр. 65—69.

⁴ Н. И. Сергеев. Указ. соч., л. 73. См. также: П. С. Ткаченко. Указ. соч., стр. 203—207.

дилась по процессу 193-х, была оправдана за недостатком улик, после процесса сослана, но бежала и продолжала нелегальную деятельность в Петербурге. Летом 1879 года под именем Ольги Лосевой В. Н. Панютина проживала в Петербурге на нелегальной квартире по 10 линии Васильевского острова. Одновременно на той же квартире по подложному паспорту на имя Степана Батурина жил С. Н. Халтурин, готовивший покушение на жизнь царя Александра II. В декабре 1879 года В. Н. Панютина была арестована и выслана на три года в Пермь, где отбывала ссылку ее сестра, также участница революционного движения Юлия Николаевна Панютина¹.

С семьей Маликовых в 1878 году в Пермь приехала Лариса Тимофеевна Заруднева. Здесь над ней был установлен негласный надзор полиции. В 1873—1874 годах Л. Г. Заруднева работала в типографии выдающегося революционера-народника И. Н. Мышкина, была арестована и судилась по процессу 193-х. В Перми Л. Т. Заруднева продолжала поддерживать письменную связь со своими товарищами по революционному подполью².

К кружку примыкали также железнодорожные служащие А. А. Криль и А. А. Лобов — участники революционного движения 60—70-х годов. А. А. Криль в первом браке был женат на сестре известного революционера и идеолога народничества Петра Никитича Ткачева, а второй раз — на сестре Сергеева Нине Ивановне. А. А. Криль бывал за границей, был знаком с П. Л. Лавровым и Н. П. Огаревым.

Хотя сам Маликов был противником революционных методов борьбы, некоторые члены этого кружка вели нелегальную работу, принимая непосредственное участие в деятельности народовольческой организации — общества «Красного Креста» «Народной воли». Это общество было создано с целью организации побегов политических ссыльных и оказания «материальной и нравственной поддержки всем лицам, подверг-

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 78, д. 8488, лл. 10—12. Деятели революционного движения в России, Био-библиографический словарь, т. 2, вып. 3, М., 1931, стр. 1144—1146.

² ЦГАОР, ф. 109, 1879, д. 396, лл. 1—28; ЦГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 581, л. 1.

шимся гонению за свободу мысли и совести»¹. Отделы общества имелись в ряде городов Сибири и Европейской России — Иркутске, Томске, Тюмени, Тобольске, Казани, Москве, а также в Екатеринбурге и Перми.

Активное участие в деятельности общества «Красного Креста» принимали А. А. Криль и А. А. Лобов², которые были тесно связаны с политическими ссыльными — В. Г. Короленко, Н. И. Сергеевым, В. Н. Панютиной, П. М. Волоховым и другими.

По воспоминаниям Н. И. Сергеева, среди его знакомых по кружку А. К. Маликова особенной готовностью к практическим революционным действиям отличался А. А. Криль. Он предлагал «насадить среди заводских мастеровых пропагандистов-революционеров для подготовки сознательных рабочих»³, он же развивал перед Н. И. Сергеевым проект создания сети пунктов для организации побегов политических ссыльных из Сибири. В реализации этого последнего проекта сам А. А. Криль принимал деятельное участие.

В 1881 году один из руководителей общества «Красного Креста», член Исполнительного комитета «Народной воли» Ю. Н. Богданович, совершивший по делам общества инспекционную поездку в Сибирь, побывал в Перми, где встречался с А. А. Крилем, Н. И. Сергеевым и В. Г. Короленко⁴.

Политические ссыльные, составлявшие кружок А. К. Маликова, сыграли прогрессивную роль в развитии общественного движения в Перми. Вокруг некоторых из них (Н. И. Сергеева, В. Г. Короленко) группировались передовые представители местной демократической интеллигенции, собиравшиеся для обсуждения различных общественно-политических вопросов. В. Г. Короленко вспоминал, что его в Перми «посещали гимназисты, семинаристы, народные учителя...»⁵.

11 августа 1881 года передовая общественность Перми устроила проводы В. Г. Короленко, которого цар-

¹ «Народная воля», 1881, № 7. «Литература партии «Народная воля», М., 1907, стр. 229.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 413, ч. 3, л. 67—71.

³ Н. И. Сергеев. Указ. соч., лл. 104—105.

⁴ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 7, стр. 212; см. также; Н. И. Сергеев. Указ. соч., л. 104.

⁵ В. Г. Короленко, там же, стр. 189.

ские власти отправляли в новую ссылку в восточную Сибирь за отказ от присяги императору Александру III. В проводах, по воспоминаниям Н. И. Сергеева, приняла участие «масса знакомых»¹ В. Г. Короленко, а по замечанию самого В. Г. Короленко — его «пермские товарищи и сослуживцы»², т. е. сравнительно широкий круг местной интеллигенции.

Проводы политического ссыльного, отказавшегося присягать новому царю, являлись своеобразной политической демонстрацией пермской демократической интеллигенции. Многие ее участники поплатились за это суровым наказанием.

В этой обстановке революционной ситуации в стране, крайнего обострения социальных противоречий в Пермской губернии, роста политической активности местной демократической интеллигенции и стал складываться кружок революционно настроенной молодежи в Перми и Мотовилихе.

¹ Н. И. Сергеев. Указ. соч., л. 108.

² В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 1, М., 1953, стр. 241.

ОСНОВАНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОГО «СООБЩЕСТВА»

В 1879 году из села Мотовилихи, что в четырех километрах от Перми, выехал в Казань сын канцелярского служащего Филиппа Казакова, девятнадцатилетний Василий. После окончания Пермской гимназии он был зачислен на медицинский факультет Казанского университета. Вскоре туда же направился его сверстник, выпускник той же гимназии, сын отставного горного инженера Владимир Аристархович Померанцев.

В эти годы в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Казани устремлялись многие из числа уральской разночинной молодежи — гимназисты, выпускники уральского горного училища и даже — духовной семинарии. Бывший ученик Пермской семинарии П. Н. Серебренников позднее вспоминал: «Ранее этого периода случаи поступления семинаристов в высшую школу были единичными, и таких смельчаков можно было пересчитать по пальцам. В 70-е годы явилось весьма оживленное, можно сказать стихийное движение к высшему образованию: эта широкая просветительная волна увлекла с собой из стен семинарии все, что было в ней талантливое и способное в высшую школу»¹.

Особенно много студентов из Пермской губернии было в высших учебных заведениях Казани — университете, ветеринарном и учительском институтах. Сюда направлялись наименее обеспеченные студенты из крестьян, мастеровых, мелких служащих, низшего духовенства. Казань была самым близким к Уралу университетским городом, к тому же жизнь здесь была более дешевой, чем в других крупных университетских центрах.

¹ «Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников». Свердловское книжное издательство, 1962, стр. 36—37.

Студенческая молодежь была активной силой общественного подъема конца 70-х — начала 80-х годов. Волнения студентов происходили почти во всех университетских центрах страны. Под влиянием революционных народников демократическая часть студенчества вовлеклась в борьбу с самодержавием.

Студенты Казани не стояли в стороне от общероссийского студенческого движения. Они поддерживали тесные связи со студентами Москвы, Петербурга и других городов, солидаризировались с общестуденческими требованиями, живо откликались на все политические события того времени. В учебных заведениях Казани царила атмосфера общественного возбуждения. В студенческих кругах шли горячие споры, читалась нелегальная литература, создавались подпольные кружки, составлялись и обсуждались программы, разрабатывались планы практических действий.

Учившийся в это время в Казанском университете Н. И. Тезяков, впоследствии известный деятель советского здравоохранения, вспоминал: «1879—1882 гг. были годами самодеятельности студенчества, самообразования, стремления объединиться в борьбе с существующим, всех давившим самодержавным строем»¹.

Молодые студенты из Перми очень скоро оказались втянутыми в водоворот бурной общественно-политической жизни. Их земляки-уральцы — Николай Тезяков, Константин Мухлынин, Иван Старцев, Аполлон Тимофеев, Борис Шугаев, Валентин Питерский, Николай Шишонко и многие другие — стояли в центре движения, а порою играли роль организаторов и зачинщиков студенческих выступлений.

Василий Казаков тесно сблизился с тагильцем Константином Мухлыниным, живым, энергичным, легко увлекавшимся юношей, находившимся под влиянием революционных идей. К. Мухлынин приобрел широкую популярность среди казанской молодежи во время нашумевшего происшествия, которое студенты назвали «мухлынинской историей».

20 марта 1880 года происходило многолюдное заседание Казанского археологического общества. Предсе-

¹ Н. И. Тезяков. Из пережитого. «Казанский медицинский журнал», 1930, № 5—6, стр. 507.

дательствовавший на заседании попечитель учебного округа П. Д. Шестаков обратился к студентам с призывом работать в области археологии. В ответ с горячей взволнованной речью выступил Константин Мухлынин. Он высказал протест против попыток отвлечь студентов от наболевших проблем современности. Студенческую молодежь, говорил он, следовало бы звать к живому делу, к делу помощи народу, а средства, которые общество тратит на археологию, отдать голодающим студентам¹. Речь К. Мухлынина была с восторгом встречена студенческой аудиторией, но вскоре он был исключен из университета и выехал в Москву.

Еще в конце 70-х годов В. Казаков вместе со студентами-уральцами И. Старцевым, А. Тимофеевым, Б. Шугаевым, В. Питерским вошел в состав нелегальной студенческой организации землеволецкого направления. Во главе этой организации стоял «Центральный» кружок, руководящую роль в котором играли студенты Петр Орлов и Николай Толузаков². В кружке живо обсуждались вопросы программного характера, намечались пути и способы практических действий.

В программно-тактических документах кружка было высказано «полное предпочтение программе социалистической», поскольку она «требует перехода всех земель и фабрик в собственность народа». Социализм рассматривался как идеал будущего устройства общества. Пока же руководители кружка считали деятельность в народе во имя этого «отдаленнейшего идеала» несвоевременной и выдвигали лозунги борьбы за «ближайшие интересы народа»³. Своей первоочередной практической задачей они считали объединение провинциальных народнических кружков Поволжья, активизацию их деятельности, установление и укрепление их связей с Петербургом и Москвой.

В марте 1880 года руководители кружка П. Орлов и Н. Толузаков были арестованы. Деятельность кружка продолжалась под руководством А. А. Тимофеева,

¹ Н. И. Тезяков. Из пережитого. «Казанский медицинский журнал», 1930, № 5—6, стр. 499.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1880, д. 407, ч. 4, лл. 75—77, оп. 531, 1883, д. 413, ч. 3, лл. 77, 83—85; ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, д. 4945, лл. 15—16.

³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 78, д. 8380, лл. 14, 20—21.

П. В. Акципетрова, В. Х. Тюшева, И. В. Старцева и других.

В 1880 году в Казани был создан комитет «Народной воли», в состав которого вошли М. П. Четвергова, А. Ф. Печеркин, студенты С. Яковлев, П. Семенов и другие¹. В начале 80-х годов Казанский комитет был одной из наиболее крупных и деятельных организаций «Народной воли», распространявшей свое влияние на обширный район востока европейской России.

В Казанском университете был создан народовольческий кружок под руководством студента Степана Яковлева. Члены этого кружка играли видную роль в студенческом движении, печатали и распространяли нелегальную литературу, готовились к террористической борьбе. С этой группой был связан студент Василий Осипанов, впоследствии казненный вместе с Александром Ульяновым за покушение на царя Александра III 1 марта 1887 года. Активное участие в работе этого кружка принимал пермяк Владимир Померанцев², приехавший на учебу в Казанский университет вслед за Василием Казаковым.

Летом 1880 года В. Казаков вернулся в Мотовилиху на каникулы. Зрелых и твердых революционных убеждений, как и значительного опыта нелегальной работы, у него еще не было, зато были живые впечатления прошедшего бурного года, явное сочувствие революционным идеям и желание принять участие в деле. Всеми этими настроениями он делился со своими близкими товарищами в Перми и Мотовилихе. Беседы с друзьями привели к образованию небольшого кружка, в который вошли двюродный брат Василия Казакова гимназист Вячеслав Кузнецов, молодые железнодорожные служащие Евгений Попов и Александр Кузовников, служащий заводской конторы Александр Гулин и другие³.

Возвратившись осенью в Казань, Василий Казаков установил связь между Мотовилихинским кружком и

¹ М. Е. Березин, Ю. О. Бородин, Е. Ф. Печеркин и др. Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875—1892 гг.), «Каторга и ссылка», 1930, № 10, стр. 116.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1884, д. 417, лл. 788—790; Н. И. Тезяков. Указ. соч. «Казанский медицинский журнал», 1930, № 5—6, стр. 500.

³ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 2.

руководством нелегальной студенческой организации. Договорились о конспиративных адресах для переписки. Непосредственную связь с мотовилихинцами взял на себя один из руководителей «Центрального» кружка пермяк А. Тимофеев¹. В его письмах определялось направление деятельности мотовилихинского кружка: кружку рекомендовалось сосредоточить усилия на пропаганде среди рабочих. А. Тимофеев ставил перед мотовилихинцами задачу создать образовательные кружки для рабочих «с целью — так излагалось содержание писем в жандармском документе, — развить рабочих сначала посредством устной пропаганды, направляя их на критическое отношение к правительству»².

В сентябре 1880 года кружок получил из Казани на имя Вячеслава Кузнецова первую посылку с нелегальной литературой. В ней были газеты «Земля и воля», «Вперед» и другие революционные издания. Позднее, в декабре, посылка с нелегальной литературой из Казани была прислана в Пермь чиновнику Павлу Геденову. Эта литература была передана члену кружка Евгению Попову и семинаристу Платону Кудрявцеву, с которыми завязали знакомство во время летних каникул 1880 года студенты Иван Старцев и Николай Шишонко, наряду с Василием Казаковым входившие в состав Казанской нелегальной студенческой организации³. Складывавшийся в Перми и Мотовилихе кружок приступил к распространению нелегальной литературы среди рабочих Мотовилихи, рабочих и служащих железной дороги, учащихся духовной семинарии и местных гимназий.

В начале нового, 1880/81 учебного года Василий Казаков перевелся из Казанского университета в Московский. Здесь он вновь встретился с Константином Мухлыниным, который ввел его в революционную студенческую среду. В декабре 1880 года К. Мухлынин, «как главный участник во всех сходках, бывших в университете», был уволен из Московского университета и выслан в Нижний Тагил⁴. В. Казаков не порывал свя-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 2 об., ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1883, д. 413, ч. 3, л. 85.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 42 об.

³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1881, д. 405, ч. 2, лл. 262—273.

⁴ Там же, оп. 83, д. 11036, л. 11 об.

зей с К. Мухлыниным, продолжал поддерживать связи с казанским «Центральным» кружком, переписываясь с А. Тимофеевым и снабжая нелегальную библиотеку казанских студентов революционными изданиями.

В начале 1881 года в Казань прибыл бежавший из сибирской ссылки известный народник-бунтарь В. К. Дебогорий-Мокриевич. Более года он объезжал города Сибири и Урала, устанавливал в них связи с революционно настроенными элементами, создавал сеть пунктов и явок, которые послужили затем опорой общества «Красного креста» «Народной воли»¹. В Томске от политического ссыльного П. Орлова, бывшего руководителя казанского «центрального» кружка, он получил явку нелегальной студенческой библиотеки. Беседы Дебогория-Мокриевича с Тимофеевым, Акципетровым, Тюшевым, Старцевым привели к присоединению Казанской студенческой организации к обществу «Красного креста» «Народной воли»².

Из Казани Дебогорий-Мокриевич направился в Москву. Вместе с ним выехал и Тимофеев с целью укрепить связи казанского «Центрального» кружка с центральными народническими организациями. В Москве Дебогорий-Мокриевич и Тимофеев остановились у Казакова, который через студента-народовольца Станислава Михалевича был уже связан с московской народовольческой организацией. Как свидетельствуют следственные материалы, Дебогорий-Мокриевич и Казаков содействовали дальнейшему укреплению сотрудничества между казанским «Центральным» кружком и московской народовольческой группой, во главе которой стоял член Исполнительного комитета «Народной воли» Петр Теллалов³.

Прокурор Пермского окружного суда писал впоследствии, что в Московском университете Василий Казаков завершил «свое революционное образование под руководством Станислава Михалевича, Петра Теллалова и Константина Мухлынина»⁴.

Московская народовольческая группа во главе с П. Теллаловым стала уделять в это время значительное

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11053, лл. 9–10.

² Там же, лл. 100–100 об.

³ Там же, лл. 101–107.

⁴ Там же, л. 31.

внимание, как и партия «Народной воли» в целом, революционной пропаганде среди рабочих. Народовольцы вели пропаганду среди рабочих в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве и других городах. Осенью 1880 года при непосредственном участии А. И. Желябова была выработана «Программа рабочих, членов партии «Народная воля», а с декабря того же года стала выходить народовольческая «Рабочая газета».

«Народная воля» сделала шаг вперед по сравнению со своими предшественниками, став на путь политической борьбы. Но народовольцы не понимали особых классовых интересов и задач пролетариата, не видели в рабочем классе самостоятельной революционной силы, а тем более такой силы, которая в недалеком будущем сможет стать гегемоном общедемократического движения в стране. Отождествляя политическую борьбу с заговором, народовольцы смотрели на рабочую организацию, как на вспомогательный резерв партии, источник пополнения кадров для террористической деятельности.

Народовольцы ставили своей задачей воспитать массы в духе непримиримой вражды к самодержавию, в духе понимания необходимости и возможности насильственного переворота. Однако решающую роль в предстоящем перевороте Программа «Народной воли» предоставляла социально-революционной партии, которая в нужный момент «выделяет из себя боевой союз», призванный напасть на правительство, расстроить его, привести в замешательство и тем самым создать для недовольного народа условия для повсеместного переворота¹.

Пропаганда народовольцев будила революционную мысль передовых рабочих, воспитывала в них ненависть к самодержавию и готовность к решительной, самоотверженной борьбе с ним. В. И. Ленин отмечал, что народовольцы «постарались привлечь к своей организации всех недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием». В этом, указывал В. И. Ленин, состояла «их великая историческая заслуга»².

¹ См.: «Программа рабочих, членов партии «Народной воли». «Литература партии «Народной воли», М., 1907, стр. 443.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 442—443.

В апреле 1881 года за участие в студенческих волнениях Василий Казаков был исключен из Московского университета. Захватив с собой запас нелегальной литературы, он выехал на родину, в Мотовилиху с намерением продолжать здесь революционную деятельность. Представление о направлении и характере этой деятельности он черпал в опыте той революционной среды, в которой он вращался в Казани и Москве.

В РАБОЧЕЙ МОТОВИЛИХЕ

Весной 1881 года В. Ф. Казаков возвратился в Мотовилиху с обширными, далеко идущими планами нелегальной революционной работы на Урале. Об этих планах в следственных материалах говорилось следующее: «...Казаков ставит себе целью распространять между рабочими социально-революционные идеи, возбуждать между рабочими недовольство против существующего экономического и государственного строя, указывать на революцию, как на единственный исход из настоящего положения»¹.

Прежде всего предстояло придать деятельности мотовилихинского кружка более четкие организационные формы, создать «центральный» кружок, члены которого должны были образовать сеть подчиненных ему кружков со своими особыми кассами и библиотеками². Планировалось также наладить издание газеты для революционных организаций Поволжья и Урала. Е. Попову было поручено достать в Перми типографский шрифт.

Намечалось создать кружки не только в Перми, но и в других городах Урала. Большие надежды возлагал при этом Казаков на К. Е. Мухлынина, который после исключения из Московского университета жил в Нижнем Тагиле и служил там на железной дороге. В августе 1881 года Казаков писал Мухлынину: «Теперь я совсем остаюсь в Мотовилихе... Если ты останешься еще на год в Тагиле, то нам действительно интересно бы поговорить и несколько спеться»³.

Но осуществить полностью эти планы Казакову не удалось. Для издания газеты не было ни сил, ни

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 3—3 об.

² Там же, л. 4; ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 98.

³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11036, л. 6.

средств. Достать в Перми шрифт Попов не сумел. Летом 1881 года Казаков выехал в Москву, надеясь приобрести там шрифт, но и на сей раз его постигла неудача.

Неудачными были и первые попытки создать сеть кружков вне Перми. После летней поездки в Москву Казаков «в интересах раскидывания, — как значилось в следственных материалах, — упомянутой выше сети кружков»¹ направился в Нижний Тагил. Однако Мухлынин не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он тяжело переживал гнетущую атмосферу наступавшей реакции. Эти настроения ярко отразились в переписке Мухлынина с активной деятельницей московских народовольческих кружков акушеркой Любовью Фондаминской, с которой его связывали совместное участие в революционной работе и глубокое личное чувство. «Пение соловьев, — писал он, — смеющаяся весна, веселые пейзажи производят какой-то диссонанс в душе, когда наряду с этими картинами представляется громаднейший ящик, похожий на гроб, в который заключен русский народ... Душат прессу, — писал он далее, — душат мысль, бьют и забивают народ, травят интеллигенцию, ликуют бюрократы, невыносимо страдают поднадзорные, сходят с ума, стреляются...»².

Первое время своего вынужденного пребывания в Нижнем Тагиле Мухлынин еще не предавался отчаянию. В нем продолжала жить вера в торжество революции, готовность к борьбе. Он высказывал убеждение, что «люди дела и честных намерений должны крепче сплотиться и еще выше поднять знамя борьбы»³. К этим людям он причислял и себя.

Эту веру в нем поддерживала Л. Фондаминская. Она не только искренне любила своего товарища по делу, но и высоко ценила его. Сама полностью отдаваясь революционной работе, Фондаминская стремилась побудить и Мухлынина к активной деятельности. «Один ли ты из интеллигенции или есть кто-нибудь еще «своих»? — спрашивала она его в письме. — Видался ли ты с Казаковым? Ведь один в поле не воин, а нам тем бо-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 4 об.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11036, л. 10.

³ Там же, л. 9 об.

лее нужна сплоченность сил»¹. В другом письме уже тверже и решительнее она писала: «Мучительно так жить и только страдать за дело, пора, наконец, из пассивного деятеля превратиться в активного»².

Однако со временем надломленность Мухлынина, его душевный разлад проявлялись все отчетливее. В его настроениях получила отражение та эволюция от революционности к либерализму, от боевого демократизма к готовности содействовать мирному прогрессу, которая была характерна для значительной части народнической интеллигенции 80-х годов XIX века.

«Ты же, мой Костюшка, не должен быть надломленным»³, — ласково убеждала его в письме Фондаминская. Но Мухлынин, оставаясь неизменным противником существующего строя, все более разуверился в тех путях, которыми шли революционеры. Он не отвергал совсем революционных методов борьбы и писал, что «никому не посоветовал бы выпустить из рук оружие, что «оно необходимо в видах самообороны и в случае атаки, когда будет к тому необходимость»⁴. Однако наряду с этим он все более склонялся к признанию большей необходимости и полезности легальной деятельности. Он писал в своих письмах, что в деревне надо действовать не пропагандой, а «примером прогресса в социально-экономическом смысле»⁵. «Лично я, — писал он Фондаминской, — намерен предаться земской работе, болеть тем, чем болеет мужик...»⁶.

На этой почве разлад между ними все усиливался. «...Мне положительно не верится, — писала Фондаминская, — что ты мог прийти к заключению, что можно, легально работая, больше пользы принести. Ты сам себе противоречишь: утверждаешь, что все хорошее, честное душат, давят, забивают, и думаешь провести честные идеи открыто... Не думаю, чтобы можно деятелю крайних идеалов работать на земской почве»⁷.

Идейные разногласия привели к обострению личных

1 ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11036, лл. 7 — 7 об.

2 Там же, л. 6.

3 Там же, л. 7 об.

4 Там же, л. 10.

5 Там же, л. 10 об.

6 Там же, лл. 10—10 об.

7 Там же, лл. 6 об. — 7.

отношений между Мухлыниным и его невестой. Письма становились все более редкими. «Прошу тебя в последний раз написать, где ты и что с тобой делается, — писала Фондаминская. ...Твое молчание я должна буду принять как желание прервать все сношения не только лично со мной, но и со всеми остальными...»¹.

В момент этой душевной драмы в конце лета 1881 года к Мухлынину приехал Казаков с проектом устройства кружка. Он доставил в Нижний Тагил нелегальную литературу, но о чем они договорились с Мухлыниным, осталось неизвестным. Никаких практических шагов для создания кружка Мухлынин не сделал, а вскоре, 9 октября 1881 года, он по нелепой случайности был арестован в Екатеринбурге, в театре. При нем были обнаружены нелегальные издания и народнические прокламации; а в Нижнем Тагиле, на квартире Мухлынина, также были найдены революционная литература («Капитал» К. Маркса, «Ассоциации» Михайлова и другие) и револьвер с патронами². Мухлынин не выдал своих связей, просидел месяц в тюрьме и за недостатком улик был выпущен, но оставлен под негласным надзором полиции. План создания революционного кружка в Нижнем Тагиле во главе с Мухлыниным провалился.

Главное внимание Казаков уделял теперь мотовилихинской группе, ибо именно здесь он рассчитывал создать «центральный» кружок. С его возвращением в Мотовилиху деятельность этой группы вступила в более активную фазу. В кружке стали обсуждаться программно-тактические вопросы. Казаков разъяснял своим товарищам разницу между народофильской и чернопеределческой программами и характером деятельности этих организаций.

В «центральный» кружок, кроме Казакова, вошли Е. Попов, А. Гулин, А. Пермяков и другие. Но в этом составе «центральный» кружок действовал недолго. По показаниям Казакова, он собирался раза два³. Фактически по мере развития революционной пропаганды в Перми и Мотовилихе сложилась группа наиболее активных деятелей, которая хотя и не была организаци-

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11036, лл. 7 об. — 8.

² Там же, лл. 2 — 2 об.

³ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 4.

онно оформлена и не носила названия «центрального» кружка, но выполняла функции руководящего ядра. В эту руководящую группу входили В. Ф. Казаков, студент Казанского университета В. А. Померанцев, железнодорожные служащие Е. В. Попов, А. И. Кузовников, А. И. Бахарев, гимназисты, а затем студенты Петербургского университета В. В. Грибель, В. Г. Кузнецов, рабочие В. И. Першин, В. Ф. Ермолин и другие. Характеризуя впоследствии эту руководящую группу, прокурор пермского окружного суда в одном из своих донесений писал, что «они с большой настойчивостью и убеждением» преследовали «намеченную ими цель пропаганды среди рабочих необходимости ниспровержения существующего строя путем революции и образования нового общественного строя на началах социализма»¹.

С активизацией деятельности кружка в Перми и Мотовилихе началось более широкое распространение нелегальной революционной литературы. Ее поступление сюда стало регулярным. При своем возвращении из Москвы весной 1881 года Казаков доставил значительное количество изданий «Земли и воли», «Черного передела», «Народной воли», в том числе народовольческую «Рабочую газету» и до 300 экземпляров прокламаций². Из своей летней поездки в Москву Казаков вновь привез нелегальную литературу и, в частности, чернопередельческий листок «Зерно», также предназначенный для рабочих.

Поездка Казакова в Москву летом 1881 года имела и другой важный результат: была достигнута договоренность с московскими народовольческими кругами о связях. С Михалевичу были оставлены адреса членов мотовилихинского кружка Кузовникова и Банникова для писем и посылок. По этим адресам в Пермь стала поступать нелегальная литература. Уже в августе 1881 года от Михалевича на имя Кузовникова была получена первая посылка³.

В сентябре 1881 года членам кружка удалось основать в Мотовилихе легальную библиотеку. Библиотека явилась связующим центром для революционных групп

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11332, л. 34.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, д. 3530, л. 3.

³ Там же, л. 4.

Перми и Мотовилихи и важнейшим каналом распространения революционных идей среди мотовилихинских рабочих. По показанию Казакова, библиотека «должна была быть хранилищем революционных идей... и служить в то же время средством завести связи с рабочими»¹.

В библиотеку в качестве основателей вступили Казаков, Попов, Кузнецов, Кузовников, Гулин, мастера-вышивальщики Пермяков, Подкин и другие. Помещалась библиотека в квартире Казакова и заведовали ею последовательно Казаков, Кузовников, Гулин, Кузнецов и Попов². Кроме членов-основателей, имелись и члены-вкладчики, оказывавшие библиотеке материальную помощь книгами и деньгами.

Источниками финансирования библиотеки являлись добровольные взносы и сборы с любителейских спектаклей, устраивавшихся в Мотовилихе по инициативе Казакова. Из библиотечной «Памятной книжки» Попова, обнаруженной у него при аресте, видно, что с января по август 1883 года добровольные взносы в фонд библиотеки поступили от 116 лиц, причем от некоторых по 5—7 раз, то есть почти ежемесячно³. Можно предположить, что количество читателей было гораздо больше, чем число лиц, оказывавших библиотеке материальную поддержку.

Собранные средства шли, главным образом, на покупку и выписку журналов. Так, например, в ноябре-декабре 1882 года в фонд библиотеки поступило 48 рублей 88 коп., из них 22 рубля были истрачены на годовую подписку журналов «Отечественные записки», «Дело», «Русская мысль», а остальные на покупку книг. Приобретались для библиотеки лучшие произведения прогрессивной русской и мировой литературы — сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Вольтера, Гюго, Эзопа, Теккерея и другие⁴.

Читателями библиотеки были преимущественно рабочие и служащие Мотовилихинского завода и железной дороги. Библиотека использовалась для встреч меж-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 5.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 5, 8, 28.

³ Там же, ф. 3, оп. 23, д. 638, лл. 1—24.

⁴ Там же, лл. 2, 8, 12, 16.

ду членами кружка, для знакомства с рабочими и распространения той нелегальной литературы, которую члены кружка получали из Москвы, Петербурга и Казани.

В начале 1883 года, в связи с распространившимися слухами о грозящем разгроме библиотеки, члены кружка решили узаконить ее существование. Для осуществления этого некоторые служащие Мотовилихинского завода под влиянием кружковцев обратились к инженеру Л. Я. Тенчинскому с просьбой принять участие в устройстве библиотеки и исходатайствовать разрешение на ее открытие. Тенчинский дал свое согласие. После того как в июне 1883 года было получено разрешение губернатора на открытие библиотеки, Тенчинского познакомили с Поповым, как с лицом, у которого можно приобрести значительное количество книг. Переговоры между Тенчинским и Поповым, состоявшиеся в августе 1883 года, привели к тому, что с середины августа 1883 года библиотека была открыта в доме Тенчинского, а Попов остался в ней в роли помощника¹. Таким образом, до официального открытия библиотеки она существовала и действовала в течение двух лет.

Одновременно с основанием библиотеки в сентябре 1881 года также с целью распространения революционной пропаганды были созданы в Мотовилихе так называемые образовательные кружки, «программа коих, — по характеристике министра юстиции, — состояла в постепенном подготовке рабочих к будущей революционной деятельности»². Одним из этих кружков руководил В. Ф. Казаков, другим — Е. В. Попов.

В кружок Казакова входили Кузнецов, Кузовников, Пермяков, Грибель, братья Комаровы, служившие в Мотовилихинском заводе, Мария и Зинаида Булыгины, Рунина, гимназист Воскресенский и другие. В кружке Попова состояли служившие на железной дороге Ситников, Федотов, Черногоров³. В кружках занимались главным образом чтением «Исторических писем» П. А. Лаврова.

Вопреки мнению министра юстиции, кружки эти состояли не из рабочих, а из мелких служащих и уча-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 12.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. II, л. 98.

³ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 5 об., 8 об., 32 об.

щихся. В действительности прочных связей с рабочими у членов кружка еще не было, а присутствовавшие на чтениях рабочий Пермяков и братья Комаровы вскоре отошли от движения.

Только в конце 1881 года Казаков познакомился с несколькими передовыми, революционно настроенными рабочими Мотовилихинского завода — столярами В. И. Першиным и В. Ф. Ермолиным и слесарем А. М. Гневашевым¹. Першин, Ермолин и Гневашев активно включились в деятельность кружка и сыграли решающую роль в дальнейшем развертывании революционной пропаганды среди рабочих.

С конца 1881 года на Мотовилихинском заводе и железной дороге стала усиленно распространяться нелегальная литература, в особенности народовольческие издания, предназначенные для рабочих. В январе 1882 года были арестованы распространявшие нелегальную литературу рабочий главных железнодорожных мастерских П. З. Полетаев и проживавший в Мотовилихе рабочий-столяр И. Д. Токтуев. При обыске у них были обнаружены народовольческая «Рабочая газета», программа «Народной воли» и другие народовольческие издания².

Производивший дознание по этому делу жандармский штабс-капитан Новицкий отмечал: «...в последнее время между мастеровыми уральской горнозаводской железной дороги и в г. Перми и в прилегающем Мотовилихинском сталепушечном заводе стали значительно распространяться брошюры, подобно находящимся при настоящем деле»³. Арестованные рабочие не выдали своих связей с членами кружка, хотя, как это выяснилось впоследствии, литературу они получали от Ермолина и распространяли ее по его указанию.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 6.

² ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1882, д. 408, ч. I, лл. 317—322, ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1650, л. 1. У П. Полетаева был обнаружен также чернопеределческий листок «Зерно», доставленный сюда из Москвы Казаковым. На этом основании В. Невский высказал предположение, что на Урале существовала чернопеределческая организация. Никакими другими материалами это предположение не подтверждается. См.: В. Невский. «Зерно», рабочий листок, «Историко-революционный сб.», т. II, л., 1924, стр. 353.

³ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1650, л. 42.

Обстановка для развертывания революционной пропаганды на Мотовилихинском заводе была особенно благоприятной. Metallургический и машиностроительный завод в Мотовилихе был одним из крупнейших на Урале. Основанный казной в 60-х годах XIX века, он был сравнительно молодым и по тому времени технически передовым предприятием. Здесь раньше, чем на других уральских заводах, была налажена выплавка стали современными методами, производились различные станки, сложное металлооборудование, паровые машины и т. д.

Рядом с заводом располагался большой поселок. Возник он еще в XVIII веке вокруг существовавшего на этом месте казенного медеплавильного завода, закрытого в начале 60-х годов XIX века. По данным однодневной переписи 13 апреля 1879 года, население поселка составляло 12 193 человека обоего пола, из них мастеровых, крестьян и сельских обитателей — 10 719 человек¹. В конце 70-х годов XIX века мимо заводского поселка по берегу Камы была проложена первая в крае горнозаводская железная дорога. Часть населения работала на дороге, но основная масса его обслуживала завод.

На Мотовилихинском заводе был занят многочисленный отряд уральских пролетариев. К концу 70-х годов на нем работало более 3 тысяч рабочих². Многие из них были местными уроженцами, старожилами заводского поселка. Они были привязаны к заводу небольшими земельными наделами, усадьбами, собственными домишками. Значительной была на заводе прослойка пришлых рабочих — с Урала и других районов России. Среди них были люди с более широким кругозором и богатым жизненным опытом, изучившие порядки на других предприятиях и принимавшие участие в стачечной борьбе.

Рабочие на Мотовилихинском заводе подвергались жестокой эксплуатации. Низкая заработная плата и произвол администрации вызывали в их среде недовольство и брожение. В 1879 году на заводе произошла первая стачка.

¹ ПГВ, 1880, № 28.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 164, л. 82.

19 марта 1879 года, возмущенные своим бедственным положением, забастовали рабочие — выходцы из Вятской губернии. Стачка не была массовой. В ней приняло участие всего 62 человека. Выступление было стихийным, неорганизованным. Прекратив работу, рабочие направились в Пермь, в городское полицейское управление с жалобой на неправильный расчет и дурную пищу.

Несмотря на стихийный характер выступления, стачечники имели своих вожakov. Обращает на себя внимание характеристика, которую дал рабочим-вожакам пермский губернатор Енакиев. Главными зачинщиками стачки были признаны рабочие В. А. Попереков и М. Г. Баранов, а их ближайшими помощниками — С. А. Репин и А. Ф. Багин. Марк Григорьевич Баранов, по отзыву губернатора, был человек красноречивый, имевший опыт бродячей жизни по разным местам России и подвергавшийся репрессиям. М. Г. Баранов энергично выступал в защиту интересов рабочих. О другом руководителе стачки Василии Антоновиче Поперекове губернатор писал, что это был «молодой человек, решительно не соответствующий по своему телосложению и здоровью необходимым для чернорабочего физическим условиям, довольно грамотный, изучавший даже латинский язык в бытность письмоводителем у судебного следователя»¹.

Опасаясь, что стачка может «крайне вредно и заразительно» воздействовать на массу мотовилихинских рабочих, власти прибегли к срочным мерам для ее удушения. Зачинщики были высланы из Мотовилихи этапным порядком. Губернатор Енакиев самонадеянно уверял министра внутренних дел, что на остальных рабочих, «находящихся на Пермских пушечных заводах, произведенная вятскими рабочими стачка, за быстрым ее прекращением, не оказала никакого вредного влияния»². Но губернатор просчитался...

В начале 80-х годов положение на заводе вновь обострилось. А. М. Гневашев говорил В. Ф. Казакову, что «рабочие часто собираются и трактуют о своем тяжелом положении и о средствах его улучшить, но у них нет такого человека, который бы руководил ими и

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 164, д. 78, лл. 80—81.

² Там же, л. 83.

научил бы их». Между рабочими бродила мысль об организации кассы «для поддержки во время стачек»¹. Гневашев уверял Казакова, что в его цехе можно рассчитывать на полное сочувствие рабочих.

Таким образом, рабочие стихийно становились на путь борьбы за улучшение своего положения. Руководители кружка стремились использовать сложившуюся обстановку для сплочения рабочих и усиления революционной пропаганды. По рекомендации Казакова, в квартире Гневашева для рабочих были организованы чтения романа Швейцера «Эмма». В роли руководителей этих чтений выступали В. Ф. Ермолин и ученик VIII класса Пермской гимназии В. Грибель»². Впоследствии эти занятия с рабочими продолжал один из руководителей кружка В. А. Померанцев. Одновременно рабочие обсуждали вопрос о создании ссудо-сберегательного товарищества.

В начале февраля 1882 года вспыхнула стачка в механическом цехе Мотовилихинского завода. Забастовало около 200 рабочих слесарного отделения, где работал член кружка Гневашев. «Ближайшим поводом к ее возникновению, — писала газета «Русский курьер», — послужило назначение некоего Чурилова в должность главного мастера, который в среде рабочих приобрел большую известность своими непомерными притеснениями и сбавкою заработной платы...»³. Рабочие потребовали удаления ненавистного им мастера. Стачка продолжалась пять дней, но требования рабочих не были удовлетворены.

У нас нет достоверных данных о конкретной роли членов кружка в этой стачке. Можно лишь высказать предположение, что влияние членов кружка в какой-то степени способствовало выступлению рабочих. В. Ф. Казаков показывал на следствии, что после своего знакомства с передовыми рабочими он предпринял «попытку революционной агитации посредством приготовления рабочих стачек на Мотовилихинском заводе»⁴, а Гневашев уверял его в готовности механического цеха к стачке. Мастер Чурилов, назначение которого явилось

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 6 об.

² Там же, лл. 6 об., 32 об., 45.

³ «Русский курьер», 1882, № 46.

⁴ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 99.

поводом к стачке, был известен рабочим как доносчик. Он докладывал начальству, что ночью заставлял рабочих механического цеха за чтением газеты «Народная воля»¹.

Об определенном влиянии народовольческой литературы свидетельствует и тот факт, что рабочие механического цеха через некоторое время после стачки посылали другому мастеру — Крапивину письменную угрозу с требованием переменить отношение к рабочим, подписанную — «Исполнительный комитет «Народной воли»².

Несомненно, что кружок сыграл какую-то роль в возникновении стачки, однако не сумел возглавить ее, расширить и придать ей организованный характер.

В начале 1882 года для кружка сложилось тяжелое положение. К этому времени в стране явственно обнаружилось поражение революционных сил. Революционная ситуация 1879—1881 годов не завершилась революцией. Убийство народовольцами 1 марта 1881 года царя Александра II положило начало наступлению реакции.

В. И. Ленин отмечал, что в стране в это время не было серьезной революционной силы, которая была бы способна свалить правительство. «Революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами. ...Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного приboя была отбита...»³.

В 1881—1882 годах «Народная воля» понесла тяжелые потери. «Исполнительный комитет» был разгромлен. Пострадала и московская организация. Теллалов, Михалеви́ч и другие деятели московской народовольческой группы, с которыми поддерживал связи мотовилихинский кружок, были арестованы. Связь кружка с центром была прервана.

В феврале 1882 года Казаков подвергся аресту по делу общества «Красного креста» «Народной воли».

¹ ЦГА ТАССР, л. 9 об.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, л. 3530.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 40—41.

За недостатком улик он был вскоре освобожден, но от активной деятельности в кружке стал отходить. В январе 1883 года Казаков был вновь арестован по прежнему делу и пробыл в тюрьме до осени. Эти первые аресты, как признавался впоследствии сам Казаков, положили начало его «отрезвлению».

В. Ф. Казаков был вовлечен в революционное движение волной революционного подъема. За непродолжительный период своей студенческой жизни и участия в нелегальной работе он не сумел выработать у себя ни необходимых качеств революционера-подпольщика, ни достаточно определенного, глубокого и устойчивого революционного мировоззрения. Твердость его революционных убеждений, как это часто бывало с неустойчивыми мелкобуржуазными попутчиками революции, целиком зависела от революционной амплитуды. Подъем общественного движения вызывал у подобных деятелей революционную активность, а спад революционной волны ввергал их в яму разочарования, отчаяния, пессимизма и приводил к отказу от прежних позиций.

Из-за нарушения связи с центром и отхода от активной работы Казакова деятельность мотовилихинского кружка ослабла, но не прекратилась, а с середины 1882 года вновь активизировалась. К этому времени в кружке значительно возросла роль передовых рабочих. По существу практической деятельностью кружка в Мотовилихе стал руководить столяр Василий Иванович Першин, опиравшийся на группу передовых рабочих, к числу которых относились Владимир Ермолин, Александр Гневашев, Николай Бахарев, Григорий Белавин, Иван Баишев и другие.

Летом 1882 года возобновились занятия с рабочими, прерванные февральским арестом Казакова. Руководил ими приехавший на каникулы из Казани Владимир Аристархович Померанцев. Вначале занятия проходили в квартире Гневашева, а затем рабочие стали собираться в лесу близ Мотовилихи. За время летних каникул Померанцев провел с рабочими 5—6 таких занятий¹.

Осенью 1882 года за активное участие в студенческих волнениях Померанцев был исключен из Казанского университета. Возвратившись из Казани, он посе-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 10—11.

лился не у родителей в Перми, а в Мотовилихе и сразу же включился в активную революционную работу.

Померанцев был человеком деятельным, энергичным и более разносторонне подготовленным, чем Казаков. Очень скоро он стал общепризнанным руководителем кружка. Так, например, В. Г. Кузнецов показывал, что Померанцев «по причине своего умственного развития, превосходившего развитие остальных знакомых», оказал на него значительное влияние в духе социально-революционного направления¹.

Связанная с кружком учительница Мария Булыгина в письме В. В. Грибелю в Петербург писала о влиянии В. А. Померанцева на Е. В. Попова: «Евгений Васильевич благоговеет перед ним и, как видно, всякое слово Померанцева считает непреложной истиной»².

Министр юстиции, характеризуя в докладе царю деятельность В. А. Померанцева, отмечал, что последний «оказывал крайне вредное влияние на учащееся юношество и рабочих, внушая им мысли о неудовлетворительности существующего государственного строя и побуждая к деятельной пропаганде революционных воззрений, пожертвованиям на противоправительственные предприятия и изготовлению, посредством гектографа, преступных воззваний и других брошюр, содействующих успехам революционного движения»³.

Как отмечалось выше, Померанцев начал свою революционную деятельность в казанском народовольческом кружке и находился под сильным влиянием народовольческой идеологии. В Перми и Мотовилихе он активно содействовал распространению нелегальной народовольческой литературы и пропаганде идеи революционной ликвидации самодержавия.

Материальные затруднения вынудили Померанцева в январе 1883 года переселиться из Мотовилихи в село Верхние Муллы, расположенное в 10 верстах от Перми. Здесь он получил место репетитора в семье управляющего шуваловским имением Тонкова. Чтобы иметь возможность продолжать революционную работу, он поселился в собственной квартире. Отсюда он руководил деятельностью кружка в Перми и Мотовилихе.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 28 об.

² ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 547, л. 87.

³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 102.

Пропаганду среди рабочих Померанцев считал одной из важнейших задач революционной организации. Он регулярно навещал Мотовилиху, поддерживая тесное общение с Першиным, Гневашевым, Поповым, Кузнецовым и другими членами кружка. Кузнецов показывал на следствии, что Померанцев «наставлял» Першина и руководил им в его «пропагаторской деятельности... между рабочими», вел с ним «разговоры о рабочих союзах в Англии, о стачках рабочих» и т. д.¹

Померанцеву удалось организовать систематическое поступление нелегальной литературы для нужд кружка. В мае 1883 года он доставил в Мотовилиху нелегальные сочинения и передал их Кузнецову для распространения среди рабочих. В июне он привез в мотовилихинскую библиотеку новую партию нелегальной литературы. Здесь были биографии С. Перовской, А. Желябова, Н. Кибальчича, номера журнала «Студенчество» и другие революционные издания².

Благодаря усилиям Померанцева кружок сумел укрепить свои связи с революционной организацией Казани и завести непосредственные сношения с руководящими кругами «Народной воли» в Петербурге.

С казанской организацией Померанцев был связан через студенческий народовольческий кружок. Казанские же студенты время от времени снабжали его нелегальной литературой. Летом 1883 года Померанцева в Верхних Муллах навещил руководитель студенческого народовольческого кружка, член казанского комитета «Народной воли» Степан Яковлев. В этом же году была установлена прочная связь с Петербургом. Бывшим пермским гимназистам Вячеславу Кузнецову и Валентину Грибелю, поступившим на физико-математический факультет Петербургского университета, было поручено завязать сношения с революционным центром и организовать регулярную отправку в Пермь нелегальной литературы. Поручение было ими выполнено.

В начале 80-х годов в Петербурге было создано пермское студенческое землячество, в которое входили студенты А. Н. Батманов, Ф. И. Волков, Г. В. Хлопин, А. В. Земляница и другие. Пермский земляческий

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 30.

² Там же, лл. 11 об., 29.

кружок играл заметную роль в общественно-политической жизни петербургского студенчества. Его члены Алексей Батманов и Флегонт Волков принадлежали к числу организаторов и руководителей «С.-Петербургской студенческой корпорации», тесно связанной с редакцией журнала «Студенчество» и «Союзом молодежи партии «Народная воля»¹.

Валентин Грибель, Вячеслав Кузнецов и Александр Кузовников, приехав из Перми в Петербург, вошли в состав пермского землячества и в «С.-Петербургскую студенческую корпорацию»². Вскоре им удалось установить непосредственные контакты с руководящими деятелями «Народной воли». Следствием было установлено, что Грибель посещал квартиру в доме на углу Забайкальского проспекта и Сивкова переулка, где встречался с видной деятельницей «Народной воли» С. Е. Усовой. При первой встрече Грибель явился к Усовой с запиской: «Вручите подателю, что ему нужно». От Усовой Грибель получал нелегальную литературу, которую он и его друзья отправляли в Пермь на конспиративный адрес, полученный от Померанцева³.

Снабжение кружка революционными изданиями было делом важным и ответственным. Вопрос этот занимал центральное место в переписке Померанцева с членами кружка, находившимися в Петербурге. «Скоро выйдет десятый номер «Народной воли», — сообщал Померанцеву в конспиративном письме Кузнецов. — Как выйдет, так и пошлем, да еще старого приложим. Напишите, получили или нет посылку»⁴.

По соображениям конспирации Померанцев несколько раз менял условленные адреса для писем и посылок. В одном из писем Кузнецову он сообщал: «...Посылки не получал. На какой адрес она послана? Я ведь писал, чтобы не посылали на адрес, данный Г⁵, а посылали на адресата писем. Теперь посылайте все (и побольше) на адресата писем. Этот адрес хорош»⁶.

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 422; оп. 86, д. 10877.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 30.

³ Там же, л. 33 об.; см. также: ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11332, л. 102 об.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 26.

⁵ Г — Грибель В. В.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, л. 138.

Распространение нелегальной литературы среди мотовилихинских рабочих, организованное кружком, имело большое значение. Чтение этой литературы будило политическую мысль передовых рабочих и способствовало их революционному воспитанию.

В начале 1883 года по инициативе нескольких представителей местной интеллигенции, близких к кружку, в Мотовилихе была открыта народная школа, а с марта того же года в школе стали проводиться воскресные чтения для служащих и рабочих завода по общеобразовательной программе. Школу и воскресные чтения посещали также рабочие — члены кружка или примыкавшие к нему, в том числе — Першин, Гневашев, Подкин, Корепанов и другие¹. Однако общеобразовательное направление школы и воскресных чтений, видимо, уже не удовлетворяло передовых рабочих, о чем свидетельствуют письма Булыгиной Грибелю. В одном из них Булыгина сообщала, что «с каждым днем меняется взгляд рабочих на нее (на школу. — Я. Р.)², в другом письме писала, что рабочие «известно, наводят критику на наши занятия»³.

Весной и летом 1883 года членами кружка была предпринята попытка объединить часть мотовилихинских рабочих вокруг рабочей кассы. Решение об учреждении кассы было принято на сходках небольшой группы передовых рабочих (10—12 человек), состоявшихся 1 и 15 мая в лесу близ Мотовилихи под руководством Василия Першина. Касса имела назначение оказывать материальную помощь семьям рабочих на случай болезни, стачки или ареста по политическим делам. Кассиром был избран А. М. Гневашев⁴. Однако касса не охватила широкого круга рабочих, — по сведениям провокатора Мироносицкого, в ней состояло до 20 человек⁵. Создание кассы не было организационно оформлено, и вопрос о ней продолжал обсуждаться между членами кружка до осени 1883 года.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, л. 138.

² Там же, д. 547, л. 60.

³ Там же, л. 67 об.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 11 об., 16 об., 19 об., 22 об., 23.

⁵ Там же, л. 17.

Итак, основная деятельность кружка среди рабочих Мотовилихи сводилась к пропаганде западноевропейских социалистических учений и распространению революционных идей борьбы с самодержавием и остатками крепостничества. Всего в деятельности кружка принимало непосредственное участие до 15—20 рабочих, хотя его влияние распространялось на более широкие круги рабочих.

СРЕДИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И УЧАЩИХСЯ ПЕРМИ

Распространение нелегальной литературы среди рабочих Перми и Мотовилихи было одной из главных заслуг местного кружка. Но кружок вел революционную пропаганду не только среди рабочих, в орбиту его влияния втягивались все более широкие круги демократической интеллигенции и учащихся.

Важную роль в работе среди пермской интеллигенции играл видный член кружка Александр Иванович Бахарев, выходец из мотовилихинских крестьян, служивший чертежником на железной дороге.

В 1882 году вокруг А. И. Бахарева объединилась группа местной разночинной интеллигенции. Это тоже был своего рода кружок, являвшийся как бы филиалом основного пермско-мотовилихинского кружка. В него входили мелкие железнодорожные служащие (конторщики, счетоводы, чертежники) — А. П. Безукладников, Н. А. Федотов, А. Я. Деменев, И. К. Шперлинг, Д. Е. Прокудин-Горский, К. П. Мишагин и другие. В большинстве своем это были молодые люди от 18 до 22 лет, выходцы из крестьян и мастеровых. В этом кружке было также несколько учащихся средних учебных заведений города.

Кружок часто собирался в доме Бахарева для обсуждения различных общественно-политических вопросов. Здесь же кружковцы читали и получали для распространения нелегальную литературу — «Листки «Народной воли», журнал «Студенчество», брошюру «Буржуа и пролетарии» и другие русские народнические и западноевропейские социалистические издания.

Бахарев, отличавшийся начитанностью и красноречием, пользовался в кружке большим влиянием. Близ-

кая к кружку гимназистка Вера Серебренникова писала в своем дневнике 8 сентября 1883 года о посещении семьи Бахаревых: «Семейство их бедное, но доброе и гостеприимное, с ними знакомо очень много хороших людей. Сам Бахарев — человек со светлыми мыслями и идеями (а светлыми мыслями, — разъясняла она, — я называю борьбу с кулаками и правительством)»¹.

По отзыву министра юстиции, высказывания Бахарева были направлены «исключительно к порицанию существующего государственного и общественного строя»². Свидетель Ермолаев показывал на следствии, что Бахарев высказывал убеждение, что «в России неизбежно произойдет революция, будет создано народное правительство, — и тогда беднякам будет лучше»³. Член кружка гимназист Панневиц также показывал, что Бахарев говорил с ним «о настоящем положении России, о необходимости революции и республики»⁴. В таком же духе излагали на следствии взгляды Бахарева и другие члены кружка. Сам Бахарев тоже не отрицал, что в разговорах с членами кружка он «порицал правительство» и говорил «о необходимости революции»⁵.

Кружок Бахарева в Перми поддерживал тесные контакты с мотовилихинским кружком. Деятельность обоих кружков направлялась общим руководящим ядром. У Бахарева часто собирались активные члены кружка из Мотовилихи — Першин, Гневашев, Ермолин, брат Бахарева — Николай. Першин доставлял сюда нелегальную литературу и содействовал ее распространению. Здесь также обсуждались планы развития революционной пропаганды среди рабочих и учащихся.

С конца 70-х годов усилилось брожение среди учащихся средних учебных заведений Перми. Особенно остро дух недовольства проявлялся в Пермской семинарии. Произвол и грубость администрации, усиление слежки, полицейские приемы инспектора семинарии Васнецова вызывали озлобление и возмущение семинаристов. В семинарии стали частыми различные инцидент-

1 ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 659, лл. 2 — 2 об.

2 ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 105.

3 ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 82.

4 Там же, л. 53.

5 Там же, л. 81 об.

ты между учащимися и администрацией. Расцвели, как писал историк семинарии И. П. Седых, «пороки процветания начальству»¹.

Растерявшееся начальство, напуганное «массовым уклонением от требований дисциплины», попыталось подавить недовольство в семинарии методом беспощадного исключения учащихся. И. П. Седых приводит следующие данные о количестве исключенных за три года:²

	Принято в 1-й класс	Исключено из семинарии
1877 год	62	33
1878 год	46	35
1879 год	52	36

Обучалось в семинарии в это время 230—290 человек и таким образом ежегодно исключалось 13—14% учащихся.

Однако полицейские меры не могли содействовать успокоению семинаристов. Не способствовали этому и тупоумные поучения духовных пастырей. В начале 1880 года вновь назначенный ректор семинарии архимандрит Иаков (Иероним Петрович Домский) при вступлении в должность обрушил на семинаристов поток грубых ругательств и диких обвинений.

«...Вы создали вокруг себя, — кричал разбушевавшийся архимандрит, — зловонную в нравственном отношении атмосферу, которая поразила меня, когда я еще не приехал сюда... Хотя я вас еще и не знаю, но уверен, что не ошибусь, если скажу, что вы тупы, неразвиты, глупы, развратны, узки, дураки... Вы так развращены, что оскорбляете, ставите шпильки своему начальству на каждом шагу... Вы дикие звери, крапива, полынь; злобие от вас распространяется по всей России»³.

Это гнусное выступление нового семинарского иерарха вызвало негодование учащихся. Возмущенные семинаристы воспроизвели эту речь и послали ее в демократический журнал «Отечественные записки», где она и была опубликована.

С конца 70-х годов учащиеся Перми стали шире знакомиться с нелегальными революционными изданиями. Современник тех событий, бывший пермский семи-

¹ И. П. Седых. Очерки истории Пермской духовной семинарии за 1877—1883 гг. Пермь, 1915, стр. 12.

² Там же.

³ «Отечественные записки», 1880, № 5, стр. 116—117.

нарист Ляпустин пишет в своих воспоминаниях: «Интерес к чтению нелегальной литературы был так велик, что мы не считались с опасностью, хотя и знали..., что людей, пойманных с запрещенной книжкой или брошюрой, месяцами держали в тюрьмах и ссылках в отдаленных местах Сибири»¹.

Отдельные факты распространения среди учащихся нелегальной литературы становились известны местным жандармским органам. Сведения об этом сохранились в архивных документах.

В июне 1879 года служитель канцелярии духовной консистории Петров явился к прокурору окружного суда с доносом. Он сообщил, что проживающие с ним на одной квартире в доме Романова семинаристы² были застигнуты им за крамольным делом. Брат одного из них Андрей Луканин, учитель Насадской сельской школы и тоже бывший семинарист, читал своим товарищам газету «Земля и воля».

Доносчик не отличался избытком храбрости. Десять дней он потратил на трусливые колебания между верно-подданническим долгом и страхом расправы, которой пригрозили ему семинаристы в случае доноса. За это время семинаристы естественно могли подготовиться к возможным последствиям, хотя сделали это не очень тщательно. Факт чтения революционных изданий был подтвержден на следствии свидетельскими показаниями. При обыске же нелегальную литературу у них не нашли, но обнаружили фотокарточку молодого Чернышевского со следующей надписью на оборотной стороне:

Наша сила — наука и знание,
Наша почва — простые умы,
Наша цель — человека восстание
Из невежества, праха и тьмы³.

Факты подобного рода не были единичны. В семинарии с начала 60-х годов функционировала нелегаль-

¹ В. А. Ляпустин. «Встречи, которые забыть нельзя». Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников, Свердловск, 1962, стр. 84.

² На этой квартире проживало 8 учащихся семинарии: Петр и Сергей Порошины, Павел и Иван Пьянковы, Михаил Луканин и другие.

³ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1638, л. 9 об.

ная библиотека, продолжавшая пополняться новейшими изданиями революционной литературы. «О библиотеке, — писал И. П. Седых, — знали только некоторые семинаристы, а книги между тем читали многие ученики»¹. По данным жандармского управления, библиотека насчитывала 48 читателей. Наряду с естественнонаучной литературой (Дарвин, Вирхов, Сеченов, Тимирязев) в семинарской библиотеке имелись произведения революционно-демократической, народнической литературы — сочинения Добролюбова, Писарева, Шелгунова, Михайлова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Флеровского, Решетникова, Успенского, Наумова, Златовратского и других. В библиотеке имелись и популярные народнические брошюры, предназначенные для агитационных целей — «Сила солому ломит», воззвания Исполнительного комитета «Народной воли» и другие².

Эта литература пользовалась среди семинаристов большой популярностью. Ляпустин, учившийся в Пермской семинарии в 1880—1886 годах, вспоминает: «...Я помню роман Н. Г. Чернышевского «Что делать», книгу, зачитанную до последней степени, много страниц в ней было уже рукописных. Помню также «Историю цивилизации в Англии» Бокля, номера «Колокола» и «Полярной звезды» А. И. Герцена, или, как мы любили его называть, Искандера (Изгнанника), его же «Былое и Думы»... Затем помню «Исторические письма» Лаврова, несколько номеров журнала «Земля и воля» и книжки по естествознанию, из них, конечно, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Жизнь растений» К. Тимирязева»³.

Нелегальная библиотека оказывала на учащихся исключительно глубокое и благотворное воздействие. Ляпустин отмечал, что «влияние небольшой библиотеки на семинаристов, головы которых в школе дурманили метафизикой и схоластикой, было так глубоко и плодотворно, что не может быть полностью учтено»⁴.

Читатели нелегальной библиотеки издавали руко-

¹ И. П. Седых. Указ. соч., стр. 189.

² И. П. Седых. Указ. соч., стр. 223—227.

³ «Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников», стр. 83.

⁴ Там же, стр. 84.

писные журналы, которые также оказывали серьезное влияние на формирование прогрессивных взглядов передовой части семинаристов. Журналы эти выходили под различными названиями — «Бурсак», «Окурок» и другими. В них освещалась не только жизнь семинарии, но затрагивались различные социальные и общественно-политические вопросы. «Номера осенние, появляющиеся после летних каникул, — вспоминает Ляпустин, — были самыми интересными: в них, кроме злободневной хроники семинарской жизни, помещались рассказы и сцены из жизни крестьян и заводских рабочих. Эти статьи были проникнуты идеологией народничества, которым мы тогда увлекались»¹.

Революционный подъем в стране содействовал общественно-политической активизации местной учащейся молодежи. Между учащимися средних учебных заведений города стали устанавливаться контакты. Учившийся в Пермской семинарии И. П. Седых вспоминал, что в эти годы стали практиковаться «собрания лучших представителей (не в смысле выборных, а наиболее идейных) семинарии, гимназии и реального училища»².

Пермский кружок уделял значительное внимание пропаганде среди учащейся молодежи. Лучшая ее часть все глубже проникалась передовыми демократическими и революционными настроениями, идеями утопического, крестьянского социализма. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах документы, обнаруженные во время декабрьских арестов, — конспекты, дневники, письма членов кружка или близких к ним лиц.

Одним из таких ценных документов является перехваченное в октябре 1883 года письмо ученика Пермского реального училища, сына мотовилихинского священника, Николая Богданова к его другу Василию Серовикову, учившемуся в Екатеринбургском горном училище. Богданов не был членом кружка, но, как и многие другие ученики, читал распространявшиеся кружком нелегальные издания и пытался поделиться со своим другом возникшими у него соображениями и сомнениями: «А как ты насчет нынешнего социализма? Как тебе кажется, правдиво они делают или нет?», —

¹ «Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников», стр. 84.

² И. П. Седых. Указ. соч., стр. 189.

спрашивал он в письме. Он разъяснял своему другу, что причинами социально-революционного движения являются тяжелое положение крестьян и «рабочего люда», непосильные налоги, произвол, взяточничество и другие пороки общества. Все это, — писал он, — «дало повод многим, не могшим вынести страданий ближнего, восстать против того, что заставляет голодать крестьянина...»¹

Интересно, что Богданов, знакомый из членов кружка только с гимназистом Панневицем², высказывал в письме определенное мнение о широком распространении революционных настроений в Перми: «Много, очень много социалистов, — сообщает он другу. — Развивается не по дням, а по часам эта сила»³.

Не менее характерно другое письмо, написанное в ноябре 1883 года бывшей пермской гимназисткой учительницей Марией Булыгиной ее другу Валентину Грибелю в Петербург. «Сейчас читала «Деревенские будни» Златовратского, — писала Булыгина. — Боже мой, сколько там работы для нас. Работа требует сильного неустанного внимания, трудолюбия и честности. Туда, Валенька, пойдем страдать вместе с народом, а чтобы не заслужить презрения и насмешек, поучимся работать. На днях прочитала «Земство и раскол» Щапова и еще более укрепилась в вере в силы нашего народа»⁴.

Особый интерес представляет дневник гимназистки Веры Серебренниковой, который она стала вести 8 сентября 1883 года, в день, когда ей исполнилось 18 лет. В дневнике она делилась своими переживаниями, заботами, мыслями, сюда же заносились выписки из прочитанных книг. Эти записи являются ценным документом. «...Приближается страшная смертельная борьба между рабочим людом и утеснителями его, — записывала Серебренникова, — ...скоро поднимется весь народ на злодеев своих: на всех помещиков, хозяев, чиновников, от которых нет ему просвета»⁵. Здесь же содержатся выписанные из книг факты и материалы о положении рабочих, об условиях их труда, о жестокой эксплуата-

¹ ЦГИА, ф. 733, оп. 165, д. 151, л. 8 об.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 51 об.

³ ЦГИА, ф. 733, оп. 165, д. 151, л. 8.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 32.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 659, л. 8.

ции на фабриках женщин и детей. «...Хозяева, — выписывает она из книги, — медленно отнимают жизнь у своих рабочих»¹.

Примечательны выписки в дневнике из агитационной брошюры, в которой революционеры развенчивали монархические иллюзии крестьянства и призывали их к борьбе с самодержавием. Серебренникова тщательно выписала из этой брошюры отрывок, в котором рассказывается, как крестьяне приходят к выводу, что царь является их непримиримым врагом. В отрывке речь ведется от лица крестьянина, который будто бы выступает на крестьянской сходке при обсуждении вопроса о посылке ходоков к царю: «Ждать, что царь отнимет у помещиков землю, а у купцов капиталы, да раздаст нам? Да ведь это то же, что ждать, когда волк загрызет волчат своих за то, что они овец дерут!.. Кому не ведомо, что искони веков цари только и думали, как бы утеснить народ, да помирволить своим друзьям, барам. Искони земля была нашей. А кто отнял ее и отдал помещикам? Царь. Искони народ вольным был, а кто закрепил его? Царь. Кто пустил его по миру и отдал в новую кабалу купцам, да тем же помещикам? Царь. Кто наложил на него тяжкие подати, каких платить он не в силах? Царь. Кто отнимает у него сыновей, чтобы заставить служить? Царь. Кто шлет против нас войско, когда нам не вмоготу перенести и мы соединяемся против хозяев либо помещиков? Царь. Так чего же ждать от него, коли искони веков кроме зла ничего мы от него не видели?»².

Все эти и подобные им письма, заметки, дневниковые записи свидетельствуют, что революционная пропаганда оказывала сильнейшее воздействие на формирование революционно-народнических взглядов передовой части пермской учащейся молодежи.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 659, л. 8 об.

² Там же, лл. 9—9 об.

ГАЗЕТА «ШКОЛА»

Это произошло вскоре после декабрьских арестов, в феврале 1884 года. В селе Верхние Муллы в купальне у заснеженного пруда крестьянский мальчик Огнев случайно откопал сверток бумаг, перевязанных бечевой. Мальчик отнес сверток своему учителю. Бумаги оказались явно крамольного характера, и перепугавшийся учитель немедленно доставил находку в Пермь, в жандармское управление.

Материалы, запрятанные перед арестом Померанцевым и найденные мальчиком Огневым, фигурировали на следствии по делу пермских «декабристов» в качестве вещественных доказательств. Тут были отпечатанные на гектографе «Сказки для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина, речи Я. Стефановича и П. Теллалова и 24 экземпляра газеты «Школа» со второго по десятый номер¹. Так дошел до нас почти полный комплект нелегального органа пермских учащихся².

Газета «Школа» возникла под влиянием нелегального гектографированного журнала «Студенчество», который издавался с 1882 года в Петербурге революционной студенческой организацией народовольческого направления. Газета «Школа» даже внешне была схожа с журналом «Студенчество» (тот же формат ученической тетради, гектографический способ размножения и т. д.).

Между «Школой» и «Студенчеством» существова-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471.

² Двенадцатый номер газеты был обнаружен при обыске у Ю. Панневица и хранится в том же фонде (арх. № 627); остальные номера разыскать не удалось, но о их содержании можно судить по сохранившимся отрывочным материалам, о чем см. ниже.

ла тесная связь. В октябре 1883 года в журнале «Студенчество» была опубликована статья о положении политических ссыльных на Каре со ссылкой на приложение к 11-му номеру газеты «Школа»¹. В жандармских документах статья эта именуется записками И. Мышкина «О положении карийцев». И. Н. Мышкин, которого летом 1883 года везли из Сибири в Петропавловскую крепость, будучи в Пермской тюрьме, передал эти записки В. Ф. Казакову. Последний переправил их на волю членам кружка, которые опубликовали записки в «Школе», откуда они были заимствованы журналом «Студенчество»². О тесной связи между журналом «Студенчество» и пермским кружком свидетельствует и письмо В. Г. Кузнецова из Петербурга к В. А. Померанцеву. «Высылай скорее письма Мышкина, — писал Кузнецов, — их ждут в редакцию»³. Из следственных материалов по делу пермского кружка можно заключить, что «Школа» неоднократно посылалась в Петербург, в адрес редакции «Студенчества». Таким образом прослеживается не только влияние, но и организационная связь между органом учащихся Перми и нелегальным журналом, издававшимся революционным кружком петербургских студентов.

Газета «Школа» появилась в марте 1883 года как еженедельный «литературно-общественный» орган учащихся средних учебных заведений Перми. Всего в период с марта по ноябрь 1883 года было издано 16 номеров газеты. Редактором газеты до августа 1883 года являлся бывший студент Ярославского лицея И. Г. Остроумов, а с сентября 1883 года — В. А. Померанцев. Активное участие в издании газеты принимали семинаристы А. В. Шадрин и А. В. Волков. В учебных заведениях Перми редакция имела своих представителей для распространения газеты: в семинарии представителем редакции являлся Владимир Посохин, а в мужской гимназии Юлий Панневиц⁴.

¹ «Студенчество», 1883, № 6, стр. 10.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 7—7 об., 28 об. — 29, 33, 39 и др. В журнале «Студенчество» № 7—8 (ноябрь — декабрь) за 1883 год впервые в печати сообщалось о массовых арестах в Перми в декабре 1883 года и о разгроме пермского кружка.

³ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 26.

⁴ Там же, лл. 48 об., 50.

Вопрос о цели издания и задачах газеты был обстоятельно освещен на ее страницах. Газета выдвигала задачу объединения учащейся молодежи Перми и создания кружков саморазвития с целью воспитания молодежи в духе преданности народу. По мысли ее издателей, газета должна была не только выработать идейную платформу, но и сыграть определенную роль в организационном объединении учащейся молодежи.

При обсуждении этого вопроса выявились другие точки зрения. В 5-м номере «Школы» за подписью Камский была опубликована статья под названием «К средствам объединения». Автор, выражая согласие с тем, что газета может явиться средством «духовного» объединения, подвергал однако сомнению ее роль в деле «телесного» (организационного. — Я. Р.) объединения молодежи и со своей стороны предлагал создание «нечто вроде клуба учащихся»¹. Это предложение автора не получило поддержки редакции, и статья была помещена с отрицательными комментариями.

Издатели газеты «Школа» сделали попытку выработать общую платформу, которая служила бы идейной основой объединения учащейся молодежи. В 4-м и 5-м номерах «Школы» были опубликованы две статьи под общим названием «Один из пунктов объединения», которые были посвящены обоснованию направления газеты.

Автор статей Марьин² выступил против чисто литературного направления газеты, против объединения молодежи только на почве литературных интересов или с целью расширения своего кругозора. Статьи требовали, чтобы газета и объединяющаяся вокруг нее молодежь не отрывались от реальной, современной жизни. «Неразумно, отвернувшись от мрачной действительности и игнорируя вопросы дня..., — писал автор, — пуститься в область художественно-литературных произведений и отвлеченно-нравственных разглагольствований»³. Автор статей выступал также против ограничения задач газеты исключительно целями нравственного совершенствования молодежи.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, лл. 100—101.

² Подлинную фамилию нам установить не удалось.

³ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, л. 89.

Что же должно быть, по мнению автора, «знаменем газеты», в каком направлении должна развиваться деятельность молодежи? Таким знаменем, указывалось в статьях Марьина, должно быть «благо народа, развитие его общественной жизни, а в текущее время и в ближайшем будущем поднятие его экономического уровня...»¹.

Автор доказывал, что именно трудящиеся массы создают материальные блага, которыми пользуются все прочие сословия, в том числе и интеллигенция, что благо всякого общества и всякого государства зависит от материального благополучия «рабочего народа». Между тем, отмечал автор статей, в России трудящиеся массы лишены самого необходимого. «...Зайдите в любую крестьянскую избу (только не в притон кулака), в мастерскую, в квартиру рабочего, выслушайте эпопею труда этих мужиков и вы увидите, что народу далеко не все дано, что ему нужно»², — писал он.

Автор статей был далек от правильного понимания классової структуры современного общества, он не сумел вскрыть подлинную эксплуататорскую сущность общественного строя России того времени. Его лозунги борьбы за благо народа были проникнуты либеральными тенденциями. Особенно отчетливо проявился либерализм автора в его боязни революционных потрясений. Обращаясь к молодежи, он призывал: «...Если вы хотите быть истинными гражданами своей родины, если вы хотите иметь право без горечи есть хлеб свой, не краснея и не содрогаясь от ужаса при воспоминании о той бездне нужды и мучений, которые вас окружают..., если вы не хотите жить в преддверии времен Пугачева и Разина и французского терроризма, если вы не хотите быть паразитом, — то целью всей вашей жизни должна быть забота о народном благе и прежде всего о поднятии экономического уровня народа»³.

Таким образом, выдвинув задачу идейного и организационного объединения молодежи, газета, однако, не смогла выработать на этом этапе революционной программы. Проповедуя борьбу за «благо народа», за подъем его «экономического уровня», статьи Марьина

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, л. 90 об.

² Там же, л. 96 об.

³ Там же, 98 об.

ставили эту задачу отвлеченно, абстрактно, в статьях не указывались ни пути, ни средства изменения условий жизни трудящихся масс. Поскольку статьи Марьина не содержали призыва к революционной ликвидации существовавшего государственного и общественного строя, его проповедь подъема материального благосостояния народа являлась либеральной утопией. «Либеральная утопия состоит в том, — указывал В. И. Ленин, — будто можно было бы, миром и ладом, никого не обижая, ...без ожесточенной и до конца доведенной классовой борьбы, добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в России, в ее политической свободе, в положении масс трудящегося народа»¹.

Статьи Марьина представляли собой плод незрелой политической мысли молодого классово-ограниченного мелкобуржуазного интеллигента. Они являлись отражением тех блужданий интеллигенции, которые усилились в связи с кризисом революционного народничества. Именно в этот период значительная часть народнической интеллигенции, разуверившись в возможности революционного пути изменения социально-экономического строя России, стала выступать с проповедью «малых дел».

Либеральными тенденциями были проникнуты и другие статьи, опубликованные в «Школе» в начальный период ее существования.

Однако в газете постепенно усиливалась радикальная струя, отчетливее звучало резко критическое отношение к российской действительности. Газетные статьи были полны сочувствия народу, трудящемуся крестьянству. Тяжелое положение крестьянских масс газета объясняла недостатком земли, непосильными повинностями, неравноправным положением крестьян, которые окружены «сворой политических чиновников»². Для ознакомления учащихся с конкретными данными о положении крестьян газета популяризировала книгу профессора Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах».

С глубоким сочувствием трудовому крестьянству газета писала о засилии в деревне новых эксплуататоров,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 326.

² ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, л. 111.

кулаков-мироедов. В стихотворении «Богач-кулак-человек», опубликованном в 6-м номере газеты, говорилось:

Куда ни заглянешь, везде бедняки
Под тяжким ярмом богачей,
Народ работающий, в лаптях мужики
Рыдают о жизни своей!
Рыдают бедняги, их жалобный плач
По всей раздается Руси,
Но преспокоен их сытый палач
И этот палач — богачи!¹

Газета утверждала, что «новые всходы на народной ниве» (кулаки-мироеды) — суть «продукт правительственной политики, пьющей кровь народную»². На страницах «Школы» вскрывалась отсталость государственного строя России, разоблачался реакционный характер политики правительства Александра III, вставшего на путь ликвидации даже тех незначительных уступок, на которые было вынуждено пойти самодержавие в 60-х — начале 70-х годов XIX века. Газета отмечала, что правительство обрекло земство на жалкую, зависимую роль, что оно ликвидировало полностью уступки, сделанные буржуазной свободе печати.

В стране, — писала газета, — преследуется всякое живое слово, сказанное не по душе правительству. В России нет не только свободы печати, но «нет и надежды на нее»³. «Теперь свободно только реакционерам — Катковым да Аксаковым...»⁴. Тут же сообщались конкретные факты о репрессивных мерах правительства по отношению к различным периодическим изданиям, о свирепых действиях царской цензуры, о высылке передовых общественных деятелей, публицистов — Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского и т. д.

Большое внимание уделяла «Школа» политике правительства в области народного образования. Остро и гневно писала газета о том, что правительство не желает давать подлинного образования народным массам из боязни потерять над ними свою власть: «Для этого держат крестьян в бедности, подчиняют своре чиновников и не дают образования, боясь, чтобы и эти не

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, л. 116.

² Там же, л. 111.

³ Там же, л. 116.

⁴ Там же.

стали протестовать, когда выйдут из невежества: скотом-то ведь легче управлять»¹. В газете приводились конкретные, чрезвычайно яркие факты, вскрывавшие военно-феодалный, паразитический характер государственного бюджета России, главными статьями расходов которого являлись военные расходы, расходы на содержание царского двора и церкви, в то время как на нужды народного образования отпускались ничтожные средства.

На страницах газеты разоблачался реакционный характер преподавания в Пермской духовной семинарии и гимназиях. Резко отрицательно отзывалась газета о некоторой части педагогов, о семинарском и гимназическом начальстве, обвиняя их в невежестве, тупости, корыстолюбию, стяжательстве и т. д. Газета писала, что в гимназическом и семинарском советах сидят люди, «которым место за прилавком в магазинах или где-нибудь в другом месте, где не требуется ни честности, ни особого ума»². Такой характер преподавания и подбора преподавателей рассматривался как результат реакционной политики царского правительства.

Газета воспитывала своих читателей в духе ненависти к самодержавно-крепостническим порядкам в России и глубокого сочувствия борющимся революционерам. В ней сообщалось о предстоящих будто бы покушениях на жизнь Александра III, об имевших место студенческих волнениях и массовых репрессиях правительства против студентов. Начиная с № 8—9 в «Школе» стали помещаться письма политических ссыльных, в которых освещалось тяжелое положение ссыльных и гневно обличался произвол правительства по отношению к революционерам.

Таким образом, либеральные тенденции уживались в газете с резкой критикой самодержавно-крепостнических порядков царской России и глубоким сочувствием к положению народных масс. Она не выдвинула в этот период революционной программы, не выступала с прямым призывом к революционной борьбе.

Содержание газеты резко изменилось с сентября 1883 года, когда вместо И. Г. Остроумова ее редактором стал В. А. Померанцев. С 11-го номера газета за-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 471, л. 112.

² Там же, л. 110.

полняется статьями открыто революционного содержания.

Вновь поднимается вопрос о задачах учащейся молодежи, об обязанностях интеллигенции по отношению к народу, о путях и методах борьбы против существующего строя. Этим вопросам посвящаются статьи Померанцева в 11-м и 12-м номерах «Школы» под названием «Уплата векового долга»¹, а также обнаруженные при обысках и предназначенные для газеты его же статьи «Шаг к уплате»² и «Несколько слов о русском терроре»³.

Полемизируя с первыми номерами «Школы», Померанцев в резкой форме выступил против утверждения, что только честным отношением к делу, к своим служебным обязанностям интеллигенция может выполнить свой долг перед народом. «Нам говорят, — писал он, — что только честное отношение к делу искупает те средства, которые вы занимаете у крестьянина на свое образование. Но это простая отговорка людей... не желающих пальца о палец ударить для своего долга»⁴.

В статье «Уплата векового долга» Померанцев развивает мысль о том, что при существующем строе только лишь «честным отношением к делу» нельзя уплатить свой долг народу, нельзя содействовать народному благу. Недостаточно того, чтобы честные люди на службе не воровали и не делали явных пакостей. Дело в том, что просто честным отношением к делу нельзя изменить общественных отношений, основанных на эксплуатации, произволе и насилии. Он разъяснял, что очень многие молодые люди — врачи, юристы, лесничие и т. д. — покидали стены учебных заведений с самыми честными порывами, с благими намерениями приносить добро. Но при столкновении с действительностью у них очень скоро опускались руки. «Эти люди, жаждущие деятельности в пользу народа, толкующие на университетской скамье о задавленности, о забитости последнего, теперь принуждены смотреть, как

¹ 11-й номер газеты до нас не дошел, продолжение этой статьи опубликовано в 12-м номере «Школы». См. ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, л. 1—6.

² ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, лл. 148—154.

³ Там же, д. 627, лл. 36—38.

⁴ Там же, д. 627, л. 2.

какой-нибудь рачительный становой в их глазах выбивает розгами из мужика недоимку...»¹

Автор доказывал, что люди, ограничивающие свою деятельность «честным служением делу», объективно становятся пособниками притеснителей народа. Служба либо приносит им только кусок хлеба, либо превращает их в эксплуататоров «уже и без того пустого кармана и еще более пустого желудка мужика»². Он указывал только на один путь подлинного служения народу — путь революционной борьбы с существующим строем. Есть только одна дорога, — писал он в статье «Шаг к уплате», — «это встать в ряды ныне действующей революционной партии, быть ее активным или пассивным деятелем, быть проводником программы этой партии»³.

Говоря о действующей партии, Померанцев имел в виду «Народную волю», а программу этой партии он рассматривал как программу завоевания политической свободы путем террора. Он пытался обосновать историческую обусловленность террористической тактики «Народной воли», опровергнуть обвинения в безнравственности и беспочвенности террора. В специально написанной для этого статье «Несколько слов о русском терроре» автор поставил задачу — доказать, что «террор выработался исторически» и что в России в условиях неограниченного правительственного произвола «нет места другому образу действий в смысле распространения идей равенства и свободы, как террору»⁴.

Для того чтобы убедить в этом своих читателей, Померанцев обращается к истории освободительного движения. Он не мог, естественно, дать развернутую научную характеристику российского освободительного движения и вскрыть его классовую сущность. Его краткий обзор истории «радикализма» в России такой цели и не имел, а был предназначен лишь для обоснования основного авторского тезиса об исторической обусловленности террора.

Обзор истории освободительного движения он на-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, л. 3.

² Там же, л. 3 об.

³ Там же, д. 640, л. 148.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, л. 36.

чал с «нигилизма» — движения, которое, по его мнению, предшествовало народникам. Так называемых нигилистов он именовал «первыми застрельщиками радикализма у нас в России». Заслуга нигилизма, — писал Померанцев, — состояла в том, что он первый «стал на дорогу отрицания и критики существующих условий жизни — условий, где богатому достаются все жизненные блага, а бедному предоставляется продавать себя за ничтожную, едва хватающую на прокормление плату...»¹.

Народничество, сменившее нигилизм, — отмечал он далее, — было представлено людьми более практически, но и это движение интеллигенции на первых порах было наивным, мирным и безобидным. Участники «хождения в народ», «видевшие в этом народе залог счастья, обоготворявшие этот народ, не знали ни жизни, ни мировоззрений своего идола. Они думали, что достаточно только скинуть сапоги и сюртук и надеть лапти и зипун, чтобы быть принятыми и понятыми народом»².

Это движение, — писал Померанцев, — не «принесло мужику заметной пользы», но его положительным итогом было более глубокое изучение народной жизни и народного мировоззрения. Несмотря на мирный и безобидный характер этого движения, царское правительство обрушило на него жестокие, бесчеловечные репрессии. Его участников «сажали по тюрьмам, рассылали без суда и следствия в столь или не столь отдаленные места или морили годами в Петропавловке и душных вонючих камерах централок»³.

Эти жестокие правительственные репрессии, доказывал Померанцев, и вызвали ответные террористические действия революционеров. Террор, таким образом, был, по его мнению, «насильственно вызванным образом действий» русских революционеров, следствием репрессивных мер правительства по отношению к мирному движению молодежи, проявлением естественного закона: «всякое действие рождает равное противодействие»⁴.

1 ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, л. 36.

2 Там же, л. 36 об.

3 Там же, л. 37.

4 Там же.

Вначале террор был только мстью, указывалось в статье, но затем революционеры возвели его в принцип. Они пришли к заключению, что только путем террора можно «уничтожить стеснительные для свободы слова условия» и обеспечить интеллигенции возможность пропагандировать свои идеи. Но поскольку в России «централизация держится одним главой — царем, то они естественно должны были прийти к тому выводу, что застрашивая и убивая деспота, они могут в конце концов добиться тех общечеловеческих прав, которые выражаются тремя словами: свобода слова и сходок»¹.

Померанцев не ограничивался однако обоснованием исторической обусловленности террористической тактики. Он попытался доказать принципиальную полезность террора, как «будирующего средства» и как способ популяризации идей партии.

Как «будирующее средство», разъяснял он, террор полезен, так как «он пробуждает народную мысль, заставляет народ взглянуть попристальнее в его идеал царя и сравнить этот идеал с деспотом, восседающим на престоле»².

Для популяризации своих идей партия должна показать народу, что стоит за него, борется за его права, является его защитой. Лучшим средством для этого, утверждалось в статье, является не столько террор против царя, сколько террор фабричный и аграрный, т. е. «убийство кулака-кабатчика или станового пристава и урядника, которые сосут народную кровь», или же «нелюбимого мастера или фабриканта, разоряющих голодного и нагого рабочего». Только этот террор, доказывал Померанцев, «может в одно время быть и будирующим и главное популяризационным средством»³.

В своих статьях Померанцев решительно выступил против обвинения революционеров-террористов в безнравственности, в защиту их высокой моральной репутации. «Это люди, — писал он, — у которых замечается полное отсутствие шкурных инстинктов, которые геройски смело идут за идеи на виселицы и умирают в одиночных камерах централов»⁴.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627.

² Там же, л. 37 об.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 36.

В ответ на осуждения революционеров либеральным обществом Померанцев убежденно заявляет: «Нам скажут, что безнравственно проповедовать убийство. Нет, нравственные господа, тут ничего нет безнравственного, если вы только не считаете безнравственным стремление к благу народа»¹.

Проповедь революционной борьбы, прославление героизма революционеров, защита их репутации, как борцов за народное дело, отстаивание принципа, что борьба за народные интересы является высшим критерием нравственности — все это составляло положительное содержание статей Померанцева. Эти мысли и положения не могли не оказать революционизирующего влияния на пермскую учащуюся молодежь.

В суждениях Померанцева об исторической обусловленности террористической тактики русских революционеров имелись отдельные правильные мысли. Известно, что классики марксизма-ленинизма высоко оценивали героическую борьбу народовольцев и в тех своеобразных исторических условиях считали оправданной их террористическую тактику. К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что террор народовольцев был продиктован «вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников»². В 1879 году Ф. Энгельс писал о положении в России: «Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пули. Политическое убийство в России единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханного деспотического режима»³.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно высказывали свое восхищение героизмом народовольцев. Россия, — писал Энгельс в письме к Горбуновой-Каблуковой, — «создала революционную партию, обладающую неслыханной энергией и способностью к самопожертвованию»⁴. В беседе с видным деятелем «Народной воли»

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, л. 37 об.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 197.

³ Там же, т. 19, стр. 158.

⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Изд. 2, ГИПА, 1951, стр. 239.

Морозовым Маркс говорил, что борьба народовольцев с самодержавием представляется ему чем-то «совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах»¹.

В. И. Ленин применительно к борьбе «Народной воли» конца 70-х — начала 80-х годов говорил о героическом террористическом методе и высоко ценил способность народовольцев к решительным революционным действиям, самопожертвованию и героизму. Противопоставляя беспочвенную, вредную, изжившую себя террористическую тактику эсеров борьбе народовольцев, В. И. Ленин отмечал, что их попытка захватить власть «посредством «ужасного» и действительно устрашавшего террора» ...была величественна².

Но классики марксизма никогда не идеализировали террор. Они оставались принципиальными противниками индивидуального террора как революционной тактики. Померанцев же выступал как принципиальный сторонник террора. Защита индивидуального террора вообще, а тем более фабричного и аграрного террора, как единственно возможного метода борьбы революционеров, была серьезным заблуждением и ошибкой Померанцева.

В условиях, когда «Народная воля» была разгромлена, а революционный подъем в стране сменился реакцией, проповедь террора могла только дезориентировать молодежь, отвлечь ее от поисков правильных путей и методов борьбы, от деятельности, направленной на воспитание классового сознания угнетенных масс.

Однако смысл статей Померанцева заключался отнюдь не в призыве к практическим террористическим действиям. Его статьи нацеливали учащуюся молодежь Перми на решительную революционную борьбу против самодержавия.

Очередной практической задачей учащейся молодежи Перми Померанцев считал создание кружков саморазвития, чтобы выработать у молодежи твердые революционные убеждения. Он доказывал, что участие в кружках саморазвития будет ступенью к активному участию в борьбе за политическую свободу.

¹ Н. К. Морозов. Маркс и «Народная воля» в 80-х гг. «Каторга и ссылка», 1933, кн. 3/100, стр. 146.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 477.

Статьи Померанцева были проникнуты страстной ненавистью к самодержавному произволу и деспотизму и являлись гневным обличением реакционной политики правительства Александра III. «Сейчас, — писал Померанцев в 12-м номере «Школы», — решителями всех общественных вопросов у нас служат тюрьмы, солдаты и виселица», страной управляют такие «оплеваннные и оскандаленные на всю Европу» личности, как Толстой, Делянов и Катков. Реакция, — писал он, — охватила все стороны жизни, она «дошла до высшей своей точки..., далее уже идти ей некуда»¹.

Призывая молодежь к революционной борьбе, Померанцев резко разоблачал бессилие и трусливость либералов. В условиях, когда реакция достигла апогея, — писал он, — либеральное общество «...или молчит и отдувается своими боками или ставит в кармане фиги», что кажется либералам «верхом самоотвержения»². Развенчание либерализма было не минутным полемическим увлечением Померанцева, а осознанным направлением его пропагандистской деятельности. Не случайно, одновременно с печатанием последних номеров «Школы» для распространения среди членов кружка была отпечатана на гектографе сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь».

Основными программными требованиями, вытекавшими из содержания статей Померанцева, являлись ликвидация самодержавия, достижение политических свобод и наделение крестьян землей.

Показательно, что для популяризации своих идей борьбы против самодержавия и остатков крепостничества газета обратилась к истории движения декабристов. Среди вещественных доказательств по делу В. А. Померанцева сохранилась написанная его рукой статья «Тайное общество и возмущение 14-го декабря 1825 года», часть которой была опубликована в 15-м и 16-м номерах «Школы»³. Статья представляет собой

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 627, лл. 5—5 об.

² Там же, л. 5 об.

³ К сожалению, статья дошла до нас без начала. На сохранившейся первой части статьи имеется карандашная пометка: «Помещено в 15 и 16 №», на другой части — такая же пометка: «Для № 17». Нет сомнения, что статья была опубликована в газете и что последним номером «Школы» был № 16-й. См.: ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, лл. 159—162 об.

общий очерк движения декабристов, написанный с позиций глубокого сочувствия к их революционной борьбе против самодержавия и крепостничества.

В статье излагается история возникновения тайных обществ декабристов и дается краткий анализ их конституционных проектов. Анализируя «Русскую правду»¹, автор обращает внимание на такие требования, как «освобождение крестьян от крепостной зависимости и наделение всех землею в собственности, общинное управление крестьян, гласное судопроизводство с присяжными, преобразование войск и уменьшение срока обязательной службы»².

Статья высоко оценивает мужество и стойкость декабристов, называет их защитниками свободы. Николай I характеризуется как кровавый палач, который своими зверствами мог удивить «любого восточного деспота, срубаящего головы своих подданных после светского обеда в видах лучшего пищеварения»³.

Характерна точка зрения автора статьи на вопрос о восстании декабристов и причинах его неудачи. В статье проводится мысль, что успех восстания был возможен, что для этого имелись все условия и, в частности, поддержка солдат и народа. Автор пишет о «воодушевлении солдат», двинувшихся на Сенатскую площадь, о собравшейся на площади массе народа, которая была готова поддержать восставших: «Две тысячи солдат и вдесятеро больше народу были готовы на все по мановению руки начальника»⁴. Поражение восстания рассматривается как случайность и прежде всего как результат отсутствия энергичного руководителя, который мог бы, опираясь на солдат и сочувствие народа, решить дело в пользу восставших. Автор делает вывод ...«благодаря только случайности, препятствовавшей явиться назначенному ранее начальнику, не удалось это восстание»⁵.

Правильно оценивая активное участие народных масс как непереносимое условие победы восстания, По-

¹ Сохранившаяся часть статьи начинается с анализа «Русской правды».

² ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, л. 162.

³ Там же, л. 161 об.

⁴ Там же, л. 160 об.

⁵ Там же.

меранцев не поднялся однако до понимания решающей роли народа и преувеличивал в народническом духе роль отдельных личностей.

При всех ошибках и заблуждениях заслуга газеты заключалась в том, что она призывала к активной политической борьбе, будила политическую мысль молодежи и воспитывала ее в духе непримиримой вражды к самодержавию, ко всем пережиткам крепостничества и средневековья в жизни страны.

Издание газеты для учащихся и размножение гектографическим способом нелегальной революционной литературы было крупным достижением в деятельности пермских «декабристов». Это позволило им распространить свое влияние на более широкие круги учащейся молодежи и местной демократической интеллигенции.

Не случайно после разгрома кружка следственные органы проявляли особый интерес к обстоятельствам возникновения газеты и деятельности причастных к ее изданию лиц. В. А. Померанцеву и другим обвиняемым по этому делу вменялось в вину, как писал в докладе царю министр юстиции, — распространение «сочетаний преступного содержания» и издание «местной противоправительственной газеты под названием «Школа»¹.

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 94.

ПРОВОКАТОРЫ ЗА РАБОТОЙ

В один из сентябрьских дней 1883 года в резиденцию пермского губернатора Анастасьева явился человек, назвавший себя дворянином Мироносицким. Человек без определенных занятий, имевший в прошлом опыт полицейской службы¹, Мироносицкий весной 1883 года приехал в Пермь «для приискания работы». Остановившись временно в номерах Шляпниковой, он познакомился там с вятским мещанином Козловым, также приехавшим в Пермь в поисках работы².

В августе 1883 года Козлов устроился чертежником в управлении железной дороги. Через некоторое время его коллеги по работе (Бахарев, Габов и другие) стали давать ему нелегальные брошюры и предложили вступить в «социально-революционный» кружок. Козлов рассказал об этом Мироносицкому. Безработный дворянин от полиции решил извлечь для себя выгоду из наивной откровенности неопытного вятского мещанина. С этим он и явился на аудиенцию к губернатору.

Среди пермских помпадуров, разнообразные достоинства и заслуги которых расписаны в дореволюционной истории Перми, составленной Верховоланцевым³, губернатору Анастасьеву отводится роль «насаждителя садов». В действительности же этот глава губернской администрации — воинствующий мракобес, человек грубый, тупой и невежественный, — был по складу своей натуры шпиком и мастером полицейской провокации, строившим на этом свою карьеру.

Губернатор по достоинству оценил Мироносицкого

¹ Мироносицкий до весны 1883 г. служил помощником пристава в Пензе.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 15, 60.

³ Верховоланцев. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913.

и предложил ему стать платным агентом. Гнусная сделка была заключена без особых затруднений. Мироносицкий приступил к «работе». Не без помощи губернатора он нашел себе службу в железнодорожных мастерских. Здесь через Козлова он познакомился с Бахаревым, Габовым и другими железнодорожными служащими. Члены кружка не соблюдали элементарных правил конспирации. Мироносицкий стал навещать квартиру Бахарева, сблизился с многими кружковцами, принял участие в распространении нелегальных изданий и сборе средств для помощи политическим ссыльным.

В доме, где квартировал Мироносицкий, он познакомился со своими соседками — небогатой двадцативосьмилетней вдовой чердынского купца Елизаветой Меркурьевой и ее семнадцатилетней сестрой Ольгой Толкач. Сестры испытывали материальные затруднения и по совету Мироносицкого решили снять новую квартиру и содержать нахлебников. Квартира по рекомендации того же Мироносицкого была снята в доме Маркова, где жил Бахарев. В октябре 1883 года на этой квартире в качестве «нахлебников» Меркурьевой поселились Козлов, Деменев и Мироносицкий. Позднее, в ноябре, Мироносицким туда были рекомендованы еще два постояльца. Это были губернаторские агенты — становой пристав Ширинский под фамилией Ширяева и мещанин Певзнер под фамилией Маркова¹.

Эта провокационная затея дала свои результаты. Мироносицкий познакомил Бахарева с Меркурьевой и ее сестрой. Квартира Меркурьевой стала своего рода открытым салоном, где собирались члены кружка. Сюда приходили Бахарев, Федотов, Безукладников, Габов, Мишагин. Здесь в присутствии губернаторских агентов кружковцы вели откровенные разговоры, обсуждали планы дальнейшего развития пропаганды, обменивались нелегальными изданиями. Из разговоров кружковцев Мироносицкий узнал, что «члены их партии проживают в Мотовилихинском заводе»². Он направился туда, заручившись письмом Бахарева к его брату Николаю. В Мотовилихе Мироносицкий прежде всего завел знакомство с Першиным, которого Бахарев аттестовал ему

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 17, 60, 63.

² Там же, л. 16.

«как главного распространителя в среде рабочих разного рода прокламаций»¹, и другими активными деятелями мотовилихинского кружка.

В Мотовилихе Мироносицкому удалось завербовать рабочего Головкина. Методы предателей не отличались разнообразием. Головкин тоже стал сдавать квартиры рабочим. Одним из первых у него поселился Ермолин, у которого часто встречались Першин, Гневашев, Николай Бахарев и другие рабочие². Так полицейский осведомитель пробрался и в руководящую группу мотовилихинского кружка.

В конце ноября 1883 года из Сибири через Пермь возвращались политические ссыльные К. Н. Мищенко и Я. О. Коняев. В Томске знакомые порекомендовали им обратиться в Перми за содействием к С. И. Сергееву. По ошибке они обратились к его однофамильцу Н. И. Сергееву³, который попытался оказать им материальную помощь. Сосед Н. И. Сергеева Безукладников, познакомившись с Мищенко и Коняевым, привел их на квартиру Меркурьевой. Там собирались члены кружка Бахарев, Казаков, Першин, Деменев, Безукладников. Здесь же присутствовали Мироносицкий и его подручные. Мищенко и Коняев рассказывали собравшимся о положении политических ссыльных, и был организован сбор средств для материальной помощи ссыльным.

Тайные агенты собрали к этому времени достаточный материал. Но губернатор и его наемники в карьеристских целях стремились раздуть дело. В угоду губернатору провокаторы пытались в эти осенние месяцы 1883 года активизировать деятельность кружка, толкнуть его на необдуманные, рискованные шаги; они сфабриковали обвинение в подготовке членами кружка террористического акта против особы пермского губернатора.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 16.

² Там же, л. 23.

³ С. И. Сергеев — участник революционного движения, в 1877—1882 гг. отбывал в Томске политическую ссылку, с 1882 г. жил в Перми. См.: ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 74—75. Этим недоразумением и объясняется арест Н. И. Сергеева по делу кружка, хотя в действительности непосредственного отношения к кружку он не имел. Отсюда у Н. И. Сергеева и осталось впечатление, что все дело было затеяно губернатором Анастасьевым в провокационных целях.

К началу декабря плод созрел. Губернатор Анастасьев имел основание быть довольным. Немногим более года управлял он Пермской губернией, и вот его неусыпными трудами и бдением раскрыто широко разветвленное преступное сообщество во вверенном его попечению крае. Не жандармскому управлению, коему надлежало блюсти состояние умов и искоренять крамолу, и не начальнику этого управления самонадеянному полковнику Ордынскому принадлежала эта заслуга, а лично ему, тайному советнику Анастасьеву. Он мог рассчитывать на высочайшее благоволение. Все нити преступного заговора были в его руках...

4 декабря 1883 года полицейская машина, запущенная губернатором, заработала на полный ход. По сведениям Н. И. Сергеева, в пермской тюрьме оказалось более 75 человек¹. А в хронике арестов, помещенной в нелегальной газете «Народная воля» за 1884 год, сообщалось, что в Перми было арестовано свыше 100 человек. Число арестованных намного превышало действительное количество активных участников кружков. Часть арестованных не имела непосредственного отношения к делу.

Но губернатор вошел в раж. Полицейско-сыскной зуд не оставлял его даже и после ареста членов кружка. Все новые затеи провокационного свойства возникали в его голове. По его указанию Мироносицкого водворили в одну камеру с Померанцевым в расчете на получение дополнительных улик. Провокатору удалось узнать от Померанцева, что накануне его ареста на имя бывшего семинариста Волкова получено извещение о прибытии посылки из Москвы с литературой для нужд кружка. Посылка была изъята из почтовой конторы. В ней действительно оказалось значительное количество нелегальной литературы: листки «Народной воли», шестой номер журнала «Студенчество» и другие нелегальные издания².

Следствие по делу кружка вело пермское губернское жандармское управление. В пику губернатору оно было не склонно особенно раздувать дело. Следствие велось медленно. Часть арестованных пришлось вскоре

¹ Н. И. Сергеев. Указ. соч., л. 102.

² ЦГА ТАССР, ф. 2; оп. 1, д. 3530, лл. 25 — 26 об.

выпустить на свободу. К формальному дознанию было привлечено 53 человека. Среди них преобладала молодежь: моложе 20 лет было 18 человек, от 20 до 25 лет — 23 человека, старше 25 лет было 12 человек. Социальный состав привлеченных к дознанию отразил ведущую роль разночинцев в освободительном движении того периода. Из дворян и чиновников происходило 9 человек, из детей духовенства — 6 человек, из почетных граждан, купцов и мещан — 10 человек, из крестьян и мастеровых — 28 человек¹. Среди них рабочих было 15, учащихся (студентов высших учебных заведений, семинаристов и гимназистов) — 14, служащих (преимущественно железнодорожных) — 20².

Не имея достаточной революционной закалки, опутанные провокаторами, избалованные неопровержимыми уликами и многочисленными вещественными доказательствами, некоторые из арестованных стали давать на следствии «откровенные» показания. Одним из первых дал «чистосердечные» показания, характеризовавшие «весь ход пермского революционного движения»³, Казаков.

Но большинство активных деятелей кружка вело себя стойко. Твердо и продуманно держался на следствии В. А. Померанцев. Он признавал только те отдельные факты и улики, которые невозможно было отрицать. Основное же обвинение — «принадлежность к преступному сообществу и сочувствие террористическим действиям социально-революционной партии»⁴ — он отвергал категорически. Мужественно вели себя рабочие-революционеры В. И. Першин, А. М. Гневашев и другие. Они полностью отрицали свою вину и не давали никаких показаний, которые могли бы повредить товарищам.

Следствие было завершено только в 1885 году и материалы переданы прокурору Казанской судебной палаты. В том же году дело было разрешено в административном порядке, без судебного разбирательства. 33 человека из 53, привлеченных к дознанию, были признаны активными членами революционного «сообщества».

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 83, д. 11332, лл. 74—74 об.

² ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530.

³ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, л. 96.

⁴ Там же, л. 104.

ва» и подвергнуты суровым наказаниям. В. А. Померанцев и В. Ф. Казаков были по высочайшему повелению высланы в Сибирь на 5 лет, А. И. Бахарев и В. И. Першин — на 3 года. Остальные обвиняемые, многие из которых просидели в одиночном заключении до двух лет, были подчинены надзору полиции на различные сроки¹.

¹ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, 1885, д. 419, ч. 2, лл. 133–134.

В ПОИСКАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Пермский народнический кружок развернул свою деятельность в период начавшегося спада революционного натиска и наступления в стране «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции»¹.

Со времени революционной ситуации 1879—1881 годов отчетливо наметился кризис революционного народничества. Революционные народники не опирались на научную революционную теорию. Неудача хождения в народ и крах народолюбческих планов осуществления политического переворота путем заговора и террора обострили «блуждания и шатания» среди различной интеллигенции, усилив поиски новых путей борьбы со стороны лучшей ее части.

«В течение около полувека, — писал В. И. Ленин, — примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»².

В поисках той общественной силы, которая была бы способна ликвидировать самодержавие и эксплуататорский строй в России, взоры революционной интеллигенции все настойчивее обращались к рабочему классу, борьба которого уже в 70-х годах XIX века стала важнейшим фактором общественной жизни страны. Интерес к исторической роли рабочего класса в передовых революционных кругах России непрерывно возрастал. Этот процесс был характерен и для пермских народников.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 267.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

/ Пермский кружок был революционным народническим кружком, испытывавшим влияние народовольческой идеологии.

Будучи и организационно связанным с партией «Народной воли», он, однако, в своей практической деятельности в значительной степени отходил от народовольческих принципов.

Члены кружка не ставили перед собой задач террористического характера, а сосредоточили свое внимание на пропаганде среди рабочих. Вся деятельность кружка, насколько об этом можно судить по сохранившимся архивным источникам, свидетельствует, что проблемы рабочего движения приковывали внимание его членов в гораздо более широком плане и в иной плоскости, чем это вытекало из программы «Народной воли».

Распространение среди членов кружка книг и брошюр, посвященных рабочему движению, различные заметки, выписки и конспекты по рабочему вопросу, обнаруженные у многих активных деятелей кружка, говорят об усиленном интересе, который проявлялся в кружке к проблеме рабочего движения. Так, например, у Ермолина при обыске был обнаружен «перечень книг по рабочему вопросу»¹, у рабочего Баишева — сочинения Лассаля и заметки, в которых разъяснялось понятие прибавочной стоимости и анализировалась классовая структура капиталистического общества². У арестованного в Петербурге члена кружка Грибеля наряду с нелегальной народнической литературой и сочинениями Лассаля была обнаружена рукопись, напоминающая конспект лекции или беседы. Рукопись начинается словами: «В настоящее время идут дебаты о рабочем сословии. Нам почти ничего о нем неизвестно. Поэтому поговорим о нем»³. Далее в рукописи популярно разъясняется вопрос о роли рабочего класса в капиталистическом производстве, раскрываются такие политико-экономические понятия, как «капитал», «заработная плата», «прибавочная стоимость» и т. д. При этом в сохранившейся части рукописи отмечалось, что речь

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 45 об.

² Там же, ф. 3, оп. 23, д. 518, л. 3.

³ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 547, л. 11.

идет не только об иностранных рабочих, но и о русских¹.

Члены кружка изучали опыт западноевропейского рабочего движения, познакомились с западными социалистическими учениями, усиленно интересовались вопросами стачечного движения пролетариата. Во время своих занятий с рабочими летом 1882 года Померанцев говорил рабочим «о положении рабочего класса, о будущем обществе, основанном на социальных началах», и читал «Английские рабочие союзы» — статью из журнала «Слово» и сочинение Шефле «Сущность социализма»². Инструктируя одного из наиболее активных членов кружка Першина, Померанцев также говорил о «рабочих союзах в Англии, о стачках рабочих и т. д.»³.

При обыске в бумагах Померанцева были обнаружены различные заметки по рабочему вопросу, в том числе — о выступлении рабочих в Лондоне, описание стачки на Мотовилихинском заводе, сделанное, по показанию Померанцева, со слов рабочих, листок с заметкой о стачках рабочих в Берлине⁴. В этой заметке анализировались результаты стачек берлинских рабочих за 1867—1872 годы, причем отмечалось, что результатом стачек явилось сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы⁵.

В кружке распространялась книга «К рабочему движению в Германии», а Першин рекомендовал ее членам кружка «в качестве сочинения, достойного внимания»⁶. Этот интерес к рабочему движению в Германии не был случайным. Известно, что с 70-х годов XIX века центр международного рабочего движения переместился в Германию, а немецкий рабочий класс выступил в роли одного из передовых отрядов международного пролетариата. В Германии впервые в истории рабочего движения была создана массовая социал-демократическая партия, сыгравшая крупную роль в международном рабочем движении. С рабочим движе-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 547, л. 12.

² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 3530, л. 10 об. — 11.

³ Там же, л. 30.

⁴ Там же, лл. 37, 37 об., 39 об.

⁵ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 640, л. 158.

⁶ ЦГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 419, ч. 2, л. 122. См. также: ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 20 об., 62, 67.

нием Германии были тесно связаны великие вожди пролетариата — К. Маркс и Ф. Энгельс. Изучение опыта западноевропейского и, в частности, немецкого рабочего движения в революционных кругах России было положительным моментом и представляло собой шаг по пути приближения к марксизму.

Среди членов пермского кружка распространялись отдельные произведения марксистской литературы: «Манифест Коммунистической партии», предисловие Маркса и Энгельса к его русскому изданию 1882 года, статья Энгельса «Научный социализм», и другие¹. Эти же произведения Маркса и Энгельса были обнаружены и при аресте в Петербурге члена кружка Кузнецова в числе той нелегальной литературы, которая предназначалась для отправки в Пермь². Сам Кузнецов в письме Казакову в ноябре 1883 года сообщал: «На днях думаю приняться за Милля и Маркса»³. У другого члена кружка, арестованного в Петербурге в январе 1884 года, было обнаружено женевское издание книги Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба»⁴ и т. д.

Интересуясь вопросами рабочего движения, читая отдельные произведения Маркса и Энгельса, члены кружка тем не менее не дошли до понимания марксистской теории. Наряду с марксистскими работами члены кружка читали и распространяли произведения Лассаля и его последователей (роман Швейцера «Эмма», книгу Шефле «Сущность социализма» и другие). Они не видели и не понимали разницы между научным социализмом Маркса и Энгельса и взглядами Лассаля.

Пытаясь разобраться в вопросе об исторической роли рабочего класса и придавая пропаганде в среде рабочих самостоятельное значение, революционные народники в конечном итоге все же не сумели выделить пролетариат из общей массы трудящихся. В. И. Ленин отмечал, что в этот период социализм и демократизм сливались воедино, а «в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться»⁵.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 52—53.

² Там же, лл. 26 об.—27.

³ ЦГИА, ф. 3, оп. 23, д. 570, л. 5 об.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 1, д. 3530, лл. 35—36.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

Нельзя забывать, что марксизм, как течение общественной мысли в России, только зарождался. Группа «Освобождение труда» была основана в 1883 году, а в конце этого года пермский кружок был разгромлен. Влияние народофильской идеологии на пермский кружок проявилось прежде всего в постановке вопроса о политической борьбе.

Отдельные члены кружка (Померанцев и другие) были сторонниками террористической тактики, но кружок в целом связывал идею политической борьбы против самодержавия с программой крестьянской «социалистической» революции. Не случайно осенью 1883 года члены кружка отектографировали и приступили к распространению прокламации казанских народников «Слово к русскому народу»¹. Выбор членами кружка именно этой прокламации для распространения является знаменательным. Прокламация казанских народников, написанная ясным и выразительным языком, была проникнута духом боевого, революционного демократизма. Она была составлена по поводу выступления Александра III в мае 1883 года перед волостными старшинами с требованием к крестьянам слушаться во всем дворян-помещиков и оставить надежды на передел земли.

Выступление Александра III использовалось в прокламации для развенчания монархических иллюзий крестьянства. В прокламации разъяснялось, что вековые надежды народа на царя были беспочвенными, что они приносили только вред народу, что только в решительной борьбе народные массы смогут добиться подлинного освобождения.

Выступление Александра III прокламация расценивала как акт саморазоблачения царизма, как удар по монархическим иллюзиям крестьян. «И хорошо сделал царь, — говорилось в прокламации, — что объявил своими устами, чтобы народ на него не надеялся. Когда нет надежды на царя, народ скорее за свой ум возьмется,

¹ Прокламация эта была опубликована в журнале «Каторга и ссылка» в приложении к статье Н. Сергиевского «Черный передел и народники 80-х годов». См.: «Каторга и ссылка», 1931, № 1, стр. 52—53. В данном случае мы используем экземпляр, хранящийся в ЦГА ТАССР среди вещественных доказательств по делу члена кружка Бахарева. См.: ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 519.

своими силами добьется земли, своими силами изведет своих лихих супостатов, верных слуг царевых»¹.

Прокламация убеждала крестьян не верить царизму, отказаться от надежд на царскую милость и призывала «подняться всем миром, как одному человеку, поделить всю землю по равнению, установить законы крестьянские, а не барские»².

К числу программных требований, которые выдвигались в прокламации наряду с уравнительным разделом земель, относились требования о создании выборного мирского управления, роспуска постоянного войска и замены его народным ополчением, свободы вероисповедания и другие.

Это была утопическая программа крестьянской «социалистической» революции, которая свидетельствовала о непонимании авторами процесса капиталистического развития России и классовой борьбы внутри развивающегося капиталистического общества. По своему объективному содержанию это была программа буржуазно-демократической революции.

Таким образом, члены пермского кружка не сумели до конца связать свое движение с классовой борьбой пролетариата и остались на позиции крестьянских демократов, отстаивавших объективно программу буржуазно-демократического преобразования страны.

Революционная деятельность кружка пермских «декабристов» не прошла бесследно. Это была первая революционная организация на Урале, которая поставила своей целью революционную пропаганду среди рабочих и в которой впервые активную роль играли передовые представители уральского пролетариата.

Взгляды членов кружка были незрелыми. Они не видели и не понимали правильных путей и методов борьбы. Но их революционная проповедь будила ненависть к самодержавию, к существующему эксплуататорскому строю, способствовала революционному воспитанию народа. Великий Ленин учил, что «обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»³.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 3, оп. 23, д. 519, л. 2 об. — 3.

² Там же, л. 3.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

В. И. Ленин называл революционных народников предшественниками социал-демократии в России. К их числу следует отнести и пермских «декабристов». Деятельность кружка подготавливала почву для дальнейшего развития революционного движения в крае. Не случайно в Перми в борьбе с либеральным народничеством возникла одна из первых социал-демократических организаций Урала.

Среди участников ранних социал-демократических кружков Перми и Мотовилихи долго сохранялась память о пермских «декабристах». В числе первых местных социал-демократов 90-х годов были рабочие, которые получили начальное революционное воспитание под влиянием этой революционно-народнической организации.

Дело пермских «декабристов» оказало заметное воздействие на формирование революционных взглядов местной интеллигенции, лучшие представители которой встали позднее на путь марксизма. Старейший деятель Коммунистической партии Советского Союза Ольга Борисовна Лепешинская в своих воспоминаниях писала о тех впечатлениях, которые произвели на нее декабрьские события в Перми и, в частности, арест ее ближайшей подруги Кати Панневиц. «Помню, — писала она, — как тяжело я переживала исчезновение Кати Панневиц и удар, обрушившийся на нее. Событие это не прошло для меня бесследно. Новые и, на взгляд матери и гимназических воспитателей, «крамольные» мысли замелькали в моей детской голове: «Разве она могла сделать что-нибудь плохое? А если она имеет какое-то отношение к тем, кто поднял руку на царя, значит, те — тоже не так уж плохи?» ...Уже спустя годы, будучи взрослой, я узнала, что Катя состояла в группе народников и была арестована именно по этой причине»¹.

Вступив в 80-х годах XIX века на путь марксизма, передовые революционные круги России завершили полувековой период поисков революционной теории. Коммунистическая партия Советского Союза возникла как передовой отряд российского рабочего класса и как часть международного пролетарского социалистическо-

¹ О. Б. Лепешинская. Путь в революцию. Пермь, 1963, стр. 311.

го движения. Она явилась вместе с тем законной преемницей великого революционного наследия нашего народа, продолжательницей всего предшествовавшего освободительного движения в стране. Встав во главе освободительного движения, российский пролетариат, руководимый партией Ленина, привел наш народ к победе социалистической революции.

История кружка пермских «декабристов» — одна из многочисленных страниц революционного прошлого нашего народа, лучшие сыны и дочери которого в отдаленных углах необъятной России, в самое мрачное время царской реакции искали пути борьбы за счастье и процветание своей Родины.

Список сокращений

ГАПО — Государственный архив Пермской области

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР

ПГВ — Пермские губернские ведомости

ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции

ЦГИА — Центральный Государственный исторический архив

ЦГА ТАССР — Центральный Государственный архив Татарской АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тайна пермских «декабристов»	5
Волна революционного приюба	15
Основание нелегального «сообщества»	36
В рабочей Мотовилихе	44
Среди интеллигенции и учащихся Перми	62
Газета «Школа»	70
Провокаторы за работой	86
В поисках революционной теории	92

Яков Борисович Рабинович

ПЕРМСКИЕ «ДЕКАБРИСТЫ»

(1880—1883 гг.)

Редактор С. В. Грицких
Художник В. Кадочников
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор Л. К. Крамаренко
Корректор Н. Д. Аборкина

Подписано к печати 6 мая 1966 г.
Формат оум. тит. 2 84×108^{1/16} мм, 11 сч. л. 3;
6. л. 1,5 (усл.-прив. 5,125 л.) 4,92 уч.-изд. л.
ЛБ02221 Тираж 5000 экз. Цена 29 коп.

2-я книжная типография управления по печати
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 383.